

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ЭПОСА «ЕДИГЕЙ»

1

Профессор Петербургского университета Платон Михайлович Мелиоранский, востоковед-тюрколог, принадлежал к тому поколению русских ориенталистов, которые не были еще узкими специалистами в области языка, литературы или истории. Востоковедение его времени носило комплексный, недифференцированный, в основе своей филологический характер: филологическое толкование текста означало изучение его во всех взаимосвязанных аспектах. Несмотря на то что выдающаяся «киргизская» (т. е. казахская) грамматика Мелиоранского справедливо рассматривается как один из первых шагов к выделению тюркского языкознания как отдельной специальности, Мелиоранский в других своих трудах был востоковедом-филологом комплексного типа. Достаточно вспомнить его классическое издание текста памятника Кюль-Тегину и две статьи, ему посвященные, чтобы увидеть, сколько замечаний фольклористического и стилистического (т. е. в широком смысле историко-литературного) характера содержит эта публикация в тесной связи с филологическим, лингвистическим и историческим исследованием текста.

Такой же характер имеет работа Мелиоранского «Сказание об Едигее и Токтамышше»¹. В основной своей части оно представляет издание «киргизского» (т. е. казахского) эпического сказания об ордынском военачальнике и временщике Едигее (Идиге, Идику), записанного Чоканом Чингисовичем Валихановым и его отцом султаном Чингисом в 1841—1842 гг. в Аман-карачайском округе от акына из рода кыпчаков Жаманкула (у Валиханова: Джумагула) и двух других

¹ «Сказание об Едигее и Токтамышше». Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, издал П. М. Мелиоранский, СПб., 1905.

казахов. Русский перевод этого текста был сделан самим Валихановым и опубликован Н. И. Веселовским в собрании его сочинений, как и сокращенный перевод другого текста, им не записанного, по-видимому, ногайского по происхождению².

Как исследователь эпического сказания об Идиге, Мелиоранский был, несомненно, первооткрывателем. Он осветил историческую основу сказания и отождествил его главных героев. Он сопоставил казахский вариант Валиханова с другими ему известными, включая новейший каракалпакский, записанный в Чимбае его учеником И. Беляевым и в то время еще не опубликованный. Он выделил фольклорные элементы сказания (чудесное происхождение Идиге, его мудрый суд) и подыскал им некоторые международные параллели. Наконец, он наметил перспективу сравнительно-стилистического изучения эпоса тюркских народов, его традиционных эпических формул, понимая эту проблему, в духе своего времени, как сравнительно-генетическую: «Если бы мы захотели остановиться на разборе отдельных оборотов речи, эпитетов и т. п., то число пунктов соприкосновения нашего сказания с разными другими произведениями турецкого (т. е. тюркского.— В. Ж.) народного творчества еще значительно увеличилось бы. В настоящее время далеко не во всех случаях можно установить, какие из всех этих элементов существовали в народной турецкой литературе еще до создания нашего сказания, какие, наоборот, именно из этого сказания были заимствованы и перенесены в позднейшие былины и песни (что тоже возможно), но во всяком случае народность, популярность их не подлежит сомнению» (стр. 16).

Перед тюркологами Мелиоранский поставил как предварительную задачу — «собрать, издать и перевести все пока известные версии, какова, например, имеющаяся у нас каракалпакская, установить точно район распространения этого сказания, подвергнуть сравнению все эти версии и т. д.» (стр. 14).

Широкий интерес к национальному фольклору, пробудившийся у народов нашей страны после Великой Октябрьской революции, значительно содействовал выполнению задачи, поставленной Мелиоранским.

2

Сказание об Идиге имеет широкое распространение у тюркоязычных народов Советского Союза, связанных в своих

² Ч. Ч. В а л и х а н о в, Сочинения. Под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904 (ЗРГО по отд. этногр., т. XXIX), стр. 223—264 и 265—273.

исторических судьбах с обширной державой Чингизидов и их наследника во второй половине XIV в.—Тимура (Тамерлана), с Золотой Ордой периода ее распада и с Ногайской ордой, временно объединившей в своих зыбких границах ее кочевые элементы на широком пространстве от причерноморских, крымских и прикавказских степей, от Нижнего Поволжья и Урала до Приаралья и Южной Сибири. Поэма об Идиге была записана в разное время у казахов, каракалпалков, кочевых узбеков, ногайцев, туркмен, башкир, у тюркских народов степного Крыма и Южной Сибири (сибирских татар и горных алтайцев).

Первая запись сказания об Идиге была опубликована уже в 1820 г. в «Сибирском вестнике» как прозаическое переложение одного из казахских вариантов, сделанное известным в свое время писателем Г. И. Спасским, уроженцем и исследователем Сибири. В 1830 г. песни об Идиге записал у ногайцев в Астрахани А. Ходзько; они изданы в английском переводе в его книге «Народная поэзия Персии»³, посвященной в основной своей части сказаниям о Кёроглы. Обе эти публикации, хотя по времени они самые ранние, содержат поздние и плохо сохранившиеся варианты сказания.

К 1841—1842 гг. относится уже упомянутая запись казахской версии, сделанная Чоканом Валихановым и его отцом султаном Чингисом. Оригинал рукописи Валиханова, опубликованный П. М. Мелиоранским, и русский перевод Валиханова, впервые опубликованный в его сочинениях, до сих пор остаются наиболее надежным источником для изучения сказания как по филологической тщательности текста, так и по близости содержания варианта к предполагаемому архетипу. Он дополняется сокращенным переводом другого текста, по-видимому ногайского, напечатанного в том же издании, и рядом заметок Валиханова, относящихся к легендарной генеалогии героя и его сказочному происхождению и детству.

Другим надежным научным источником являются записи В. В. Радлова («Образцы народной литературы северных тюркских племен», СПб., 1866—1872): из них три — от барабинских и омских татар и одна — от телеутов (горных алтайцев). К ним присоединились в 1896 г. еще четыре варианта из степной части Крыма. Записи барабинская (Образцы, ч. IV, стр. 35—55) и первая из крымских (Образцы, ч. VII, стр. 99—121) также принадлежат к числу наиболее полных и хорошо сохранившихся.

³ А. Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, London, 1842, стр. 348—362

Не меньшего внимания заслуживает подробный пересказ (или перевод) ногайской версии, записанный Н. Семеновым на западном берегу Астраханского залива Каспийского моря в 1880—1881 г. и опубликованный в 1895 г. в его книге «Туземцы северо-восточного Кавказа» (СПб., 1895, стр. 469—481). Кроме этого, очень полного текста и уже упомянутого в «Сочинениях» Валиханова, ногайские варианты печатались в оригинале в хрестоматиях М. Османова (1883) и И. Березина и в переводах или пересказах в краеведческих публикациях Г. Ананьева (1900), М. Алейникова⁴ и А. Горячина. Ногайский материал заслуживает особого внимания, так как эпические сказания об Идиге и ногайских богатырях, его потомках, сложились исторически в Ногайской орде.

Казахские версии, частично при участии родичей Валиханова (Султан-Газина), продолжал записывать Г. Н. Потанин⁵. Его прозаические переложения «Идиге» (их четыре) в сюжетных подробностях заметно отличаются друг от друга, отклоняясь от истории в сторону сказки, а его попытки истолкования происхождения сюжета в свете международных параллелей эпоса и фольклора страдают обычной для этого автора манерой фантастических сопоставлений, что и было в свое время отмечено В. В. Бартольдом в очень критическом отзыве⁶. Казахский вариант, опубликованный А. Диваевым по рукописи в «Этнографических материалах» («Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. V, Ташкент, 1896), в сопровождении перевода на русский язык, также заметно отклоняется от архетипа эпического сказания.

Каракалпакская запись, упоминаемая П. М. Мелиоранским, была сделана в 1903 г. в Чимбае его учеником И. А. Беляевым, но только в 1917 г. она была опубликована в Ашхабаде вместе с русским переводом собирателя⁷.

Отметим еще более краткие упоминания местных преданий, связанных с легендарными историческими памятниками — курганом Тохтамыша близ Тюмени и могилой Идиге на северном склоне Каратау⁸.

⁴ См.: Г. Н. Потанин, Тюркская сказка об Идиге, — ЖС, 1898, год седьмой, вып. III и IV, стр. 320.

⁵ Там же, стр. 294—313, Примечания, стр. 313—350.

⁶ В. Бартольд, [рец. на:] Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги, Томск, 1912, — ЗВОРАО, 1913, т. XXI, стр. 0150—0152. См. теперь: В. В. Бартольд, Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 369—370.

⁷ «Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», вып. 3, Ашхабад, 1917.

⁸ Ср.: Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, стр. 224; Н. Сорокин, Могила хана Тохтамыша, — «Тобольские губ. ведомости», 7.VI.1869, № 23, стр. 104 (также отд. вып.).

После Октябрьской революции, с ростом интереса к национальному фольклору и национальным историческим преданиям, научное внимание и к этому эпическому сказанию заметно усиливается, и собирание материала переходит в руки национальных ученых и новых республиканских центров национальной культуры.

В Казахстане классический текст Валиханова — Мелиоранского переиздавался несколько раз с незначительными редакционными поправками и соответствующим научным комментарием: в 1927 г. — Канышем Сатпаевым, позднее выдающимся геологом и президентом Казахской Академии наук; в 1934 г. — писателем и литературоведом Сакеном Сейфуллиным; в 1940 г. — Сабитом Мукановым (в сборнике «*Ватығар сьғы*»). Вариант А. Диваева был также переиздан собирателем в сборнике того же названия, объединившем его дореволюционные публикации (1922); еще раньше текст Диваева был переведен на татарский язык и напечатан в журнале «*Шура*» (1917, №№ 15—16). В фольклорном архиве Казахской Академии наук в Алма-Ате хранится еще пять текстов «*Идиге*» (один из них — от сказителя Мурун-Жырау, запись 1942 г., в составе эпического цикла «40 богатырей», об этом см. ниже).

Новый каракалпакский вариант был записан фольклористом Каллы Аимбетовым в 1929 и 1934 гг. со слов сказителя Ерполата Жырау (напечатан в 1939 г.). Более обширный по объему, он также во многом отклоняется от архетипа.

Отрывки из башкирской версии «*Идукай и Мурадым*» опубликовались уже в дореволюционных изданиях в Казани и Уфе (1897—1915). Однако они не привлекли к себе более широкого внимания. В советское время поэма печаталась в башкирских оригиналах в записи народного шэшэна М. Бурангулова в журналах «*Октябрь*»⁹ и «*Красная Башкирия*» (1940). В фольклорном архиве Башкирского филиала АН СССР хранятся записи, сделанные писателем Н. Исанбетовым (1929) и тем же М. Бурангуловым (1934—1939), а также сводный вариант «*Идукай и Мурадин*», подготовленный к печати на основании этих материалов Р. Нигмати и Б. Бикбаевым, который насчитывает 17 «кубаиров» (песен-глав). По мнению башкирского фольклориста Н. Т. Зарипова, в руках составителей находилась впоследствии, по-видимому, утерянная рукопись 1762 г., также подготовлявшаяся к печати. Если бы эта рукопись нашлась, мы имели бы в ней старейшую запись устного эпического сказания тюркских народов Сред-

⁹ 1940, №№ 6, 7, 8.

ней Азии. В 1959 г. к этим материалам присоединилась новая запись языковеда С. Ф. Миржановой.

Несколько текстов «Идиге» были открыты в 20—30-х годах у кочевых узбеков. Один из них, под заглавием «Тулумбий» (по имени отца героя), опубликован Хади Харифовым в его «Хрестоматии узбекского фольклора» (Ташкент, 1939).

Ногайские материалы пополнились в 1958 г. очень полной записью, сделанной в Карачаево-Черкесской автономной области молодым ногайским фольклористом Ашимом Сикалневым.

Новый западносибирский вариант сказания о Едигее был записан в 1919 г. у омских татар казанским фольклористом Н. Хакимовым. К этому варианту акад. А. Н. Самойлович написал в 1938 г. предисловие, сохранившееся в архиве Казанского филиала АН, которое публикуется в настоящем издании (стр. 186—211). Ученик проф. П. М. Мелиоранского и преемник его по кафедре А. Н. Самойлович осуществил намерение своего учителя «подвергнуть сравнению» известные ему версии сказания. Уже в 1911 г. он предложил эту работу как тему сочинения на соискание медали своим ученикам по Петербургскому университету. Медаль получил студент П. А. Фалев, выдающийся молодой тюрколог, безвременно скончавшийся в Ташкенте в 1922 г. Работа П. А. Фалева, готовившаяся к печати после его смерти, в 1927 г., осталась неопубликованной, но следы его занятия этой темой, в частности, в связи с ногайским фольклором, которым он занимался специально, содержат лекции ученого по «Введению в изучение тюркских языков и наречий», напечатанные в Ташкенте на правах рукописи в 1922 г.

Отдельную главу сказанию о Едигее посвятил акад. А. С. Орлов в своей популярной книге «Казахский героический эпос» (М.—Л., 1945), написанной в годы эвакуации в Алма-Ате. А. С. Орлов дает подробное переложение одной из казахских версий, с замечаниями, касающимися исторических корней сказания и особенностей его поэтической формы.

Из зарубежных тюркологов сказанием об Идиге занималась Саадет Чагатай (Анкара). Она опубликовала обширный текст, записанный в Анкаре от одного старика, переселившегося в молодые годы в Турцию из крымских степей, сопроводив его немецким переводом и сравнением тех вариантов сказания, которые были ей доступны¹⁰.

Общее число опубликованных текстов сказания в настоящее время превышает 30 единиц, из них 15 единиц сохрани-

¹⁰ S. Çagatay, Die Adigä-Saga,—UAJ, 1953, Bd 25, H. 3—4, стр. 243—282.

лись только в переводах или пересказах. К ним следует присоединить отмеченные выше архивные материалы. Сопоставляя между собой перечисленные версии и варианты, мы можем попытаться восстановить архетип сказания, подвергшийся в процессе устной традиции очень значительным переработкам. Ближе всего к предполагаемому архетипу, по-видимому, текст Валиханова — Мелиоранского, поддержанный свидетельствами ногайской версии Н. Семенова и двух записей Радлова, нами выделенных, — крымской и сибирской. При обилии материала мы не считаем возможным в кратком очерке предлагать жесткую реконструкцию первоначального сюжета, но мы наметим те черты его, которые представляются древними, отмечая соответственно и несводимые к единству различия между ними.

3

По одной версии сказания, отцом Идиге был Кутлу-кия (или Кутлу-кая), сокольничий хана Тохтамыша. Соблазненный подарками царя Са-Темира («шаха Тимура» — Тамерлана), он дал ему одно из яиц, снесенных соколом чудесной породы, которым особенно гордился Тохтамыш. Узнав о проступке своего сокольничего, разгневанный Тохтамыш велел казнить не только его, но и всю его семью. Младенца Идиге спасает друг (или молочный брат, «эмчек») его отца (Эсебий). Он подменяет обреченного на казнь младенца своим собственным сыном и воспитывает сына Кутлу-кия как своего.

По другой версии сказания, Идиге — сын мусульманского святого, имя которого Баба-Туклас (или Баба-Тохты) Чачли-Азиз (или Чачти-Азиз, Шашли-Азиз «волосатый святой»). В некоторых вариантах (вероятно, первоначальных) этот персонаж является не отцом, а предком, от которого Идиге ведет свой род. Святой, совершая однажды омовение у источника, увидел трех лебедей (или голубей), которые, опустившись на берегу, сбросили с себя свои лебединые одежды («кеб») и стали купаться. Заглядевшись на их красоту, святой похищает одежду купальщиц. По просьбе двух старших он отпускает их на волю, но младшая соглашается стать его женой, при условии, что он не будет смотреть ей на голову, когда она чешет волосы, под мышку, когда она снимает рубаху, и на ноги, когда она разувается. По истечении некоторого времени Баба-Туклас нарушает запрет, и тогда он замечает, что у его красавицы череп прозрачный, под мышками просвечивают легкие, а ноги — птичьи (или с копытами). Жена, узнав, что тайна ее открыта, покидает мужа, но, улетающая, она сообщает ему, что у нее во чреве младенец; когда он родится, она оставит его в безлюдной степи в указанном

месте (в стране Миср, т. е. в Египте, на берегу Нила), где найдет его отец. Баба-Туклас следует этому указанию и в положенное время находит младенца.

Этот рассказ также имеет варианты. Вместо трех лебедей Баба-Туклас встречает на берегу красавицу, которая золотым гребнем расчесывает золотые волосы. Она ныряет в воду, он следует за ней, находит ее в подводном царстве, где она становится его женой на тех же условиях. Дальнейшее течение рассказа совпадает с предыдущим.

Существуют контаминированные версии, в которых героем рассказа о трех лебедях (или о подводной деве) является не Баба-Туклас, а тот же Кутлу-кия, опальный вельможа Тохтамыша, причем обручение его с девои-лебедью совершается после его изгнания Тохтамышем (так — в крымских записях Радлова).

Детство Идиге, независимо от обстоятельств его рождения, изображается во всех версиях одинаково. Герой вырастает в бедности, пастухом (отдан на воспитание пастуху или бедной старухе). Он играет с другими мальчиками, которые выбирают его царем. Семилетний Идиге в этих играх уже обнаруживает свою мудрость. Когда проходят мимо двое приближенных хана Тохтамыша, дети по наущению Идиге отказываются встать, чтобы приветствовать их. На вопрос о причине такого поведения Идиге отвечает за всех: «Вставать надо перед старшими, вас двое, нас много (20 человек), сосчитайте наш возраст, мы — старше вас».

Вельможи, пораженные ответом мальчика, решают предложить ему решение спорного дела, с которым они шли к хану. Один из них — Кен-Джанбай (Джанбай, Жанбай) из рода Кенегес, другой — охотник Кокджальди. На своей земле на берегу р. Яик (Урал) Джанбай увидел зайца и побежал домой за оружием, намереваясь подстрелить дичь. Тем временем Кокджальди убил зайца и взял его себе. Идиге велит одному из детей держать зайца примерно на том расстоянии, на котором его увидел Джанбай, а Джанбаю — стрелять в зайца; если он попадет в ребенка, пусть платит «за кровь» («кун»), если выстрелит мимо, заяц останется у охотника; если же попадет в зайца, он получит его по праву. Джанбай попадает в цель и, восхищенный мудростью младенца, докладывает о нем Тохтамышу, который признает это решение справедливым и правильным.

Следующие «суды» Идиге частично разнятся в различных вариантах сказания. Существуют также отличия в том, проносит ли Идиге тот или иной приговор еще пастухом, или позднее; при дворе Тохтамыша, или в последние годы жизни, после ссоры со своим сыном Нуредином.

1) Четырем братьям досталась в наследство хромая коза, которая произвела отраву. За это братьям приходится платить 400 тиллей. Они просят Идиге определить долю каждого. Идиге, узнав, что каждому из тяжущихся принадлежит по ноге козы, причем младшему — хромая нога, а старшему, кроме того, и голова, возлагает на долю старшего двойную пеню (200 тиллей), потому что «голова вела все тело», на долю второго и третьего — одинарную (по 100 тиллей), а младшего освобождает от уплаты. Старшие братья, недовольные решением, жалуются Тохтамышу, который снова вынужден признать справедливость и мудрость решения пастуха. В некоторых вариантах по этому мудрому приговору Нуреддин узнает изгнанного им старика отца и спешит признать свою вину перед ним.

2) Две женщины спорят о ребенке, одна отнимает его у другой, утверждая, что он был у нее украден в младенческом возрасте. Идиге предлагает обеим матерям держать ребенка за ручки и приказывает рассечь его мечом, чтобы каждой дать ее долю. Обманщица готова согласиться, но настоящая мать предпочитает отдать ребенка своей сопернице. Этот рассказ известен из Библии, где мудрое решение приписывается царю Соломону.

3) Вариантом спора двух женщин является спор двух мужчин о верблюжонке. Один из спорящих утверждает, что в стаде другого он узнал четырехлетнего верблюжонка, пропавшего у него годовалым сосуном. Идиге велит спорящим привести верблюдиц-маток и подвергает верблюжонка жестокому истязанию (или приказывает утопить его в реке). Когда верблюжонок поднимает рев, настоящая мать-верблюдица отвечает ему своим криком.

4) Девушка обвиняет парня в том, что он насильно отнял у нее кольцо и девичью честь. Идиге дарит девушке тюбетейку, а парню велит вырвать подарок из ее рук. Девушка оказывается сильнее, и это решает спор.

Тохтамыш, до которого неоднократно доходили вести о мудрости мальчика Идиге, по совету Джанбая призывает его ко двору. Идиге становится сокольничим или телохранителем хана и пользуется его особым расположением. Это вызывает зависть других вельмож. По другим версиям, Идиге возбуждает нерасположение к себе у ханши (или ханской дочери), отвергнув ее любовь. Ханша обращает внимание Тохтамыша на то, что он боится Идиге, так как при его виде невольно приподнимается с сиденья (или вздрагивает). Желая убедить хана в том, что это так, она прикалывает его халат к подушке, на которой он сидит. При появлении Идиге хан действительно приподнимается вместе с подушкой. Убежден-

ный своими приближенными, Тохтамыш принимает свою невольную робость как предзнаменование того, что ему грозит от Идиге смертельная опасность, и решает известить своего любимца. В некоторых версиях хана предупреждает о грозящей опасности вещий сон. Ханша два раза подносит Идиге отравленный напиток, но ему удается благодаря своей осмотрительности избежать опасности.

После этого хан, еще более напуганный, приглашает Идиге на пир, во время которого воины, поставленные у входа в юрту, по знаку повелителя должны убить Идиге. Об этом замысле хана и его приближенных Идиге предупреждает его друг Ангусын (по другим версиям — Джанбай). С помощью друга Идиге подрезает левое стремя у коней, оставленных стражей на привязи, лишая ее возможности преследовать беглеца. Сам он во время пира, по знаку, поданному другом, спасается бегством из юрты через дымовое отверстие, садится на оседланного коня и бежит к Са-Темиру вместе с несколькими удальцами¹¹.

Растерянный хан созывает своих приближенных на совет и каждого из них по очереди спрашивает, что делать. (Иногда сцена совещания хана с вельможами предшествует бегству Идиге.) Джанбай советует призвать ко двору мудрого старца, прорицателя и певца, Сабра-Джирау (Суп-Джирау, Суп-Жирау, Сафар-дау, Пардзак и др.), который прожил 120 (180, 500, 1000) лет и может предвидеть будущее. За стариком отправляют послов, его привозят в совет торжественно и с почетом, подвязывают его беззубую челюсть. Вещий старец поет песню, предупреждая Тохтамыша о будущей победе Идиге, который захватит его страну и престол, разграбит его имущество, заберет его стада и коней, возьмет насильно в жены его дочерей, прекрасных Ханеке и Тенеке. Он советует хану помириться с Идиге, пока тот не переправился через Итиль (Волгу), и вернуть его обратно. Хан посылает в погоню за Идиге Джанбая с отрядом богатырей. Они настигают беглеца на берегу Итиля. Стоя на разных берегах реки, они обмениваются речами. Джанбай уговаривает Идиге вернуться, обещая ему от имени Тохтамыша всякие почести, но Идиге отклоняет предложение, поносит самого Джанбая и обещает отомстить Тохтамышу, вернувшись на родину с войсками Са-Темира.

Идиге с товарищами уходит в степь «казачить». Здесь ему

¹¹ Отметим, что таким же образом, подрезав заранее стремяна у коней своих преследователей, спасает свою жизнь в шотландской исторической легенде Роберт Брюс (Robert Bruce. XI в.), глаза восстановивший против власти Англии.

встречается богатырь-великан Кабардин-Алп (Хан-Кабардин, сын дива Кабантин-Алп, Чуюн-Кулак-дядя — «див Чугунное ухо» у Потанина, в башкирских вариантах — калмыцкий богатырь, в сибирских — русский богатырь Анисим). Этот богатырь похитил красавицу дочь Са-Темира. Вместе со своей дружиной Идиге поступает на службу к Кабардину. С помощью красавицы ему удается хитростью победить Кабардина. Дочь Са-Темира открывает ему полу шатра, и он пронзает его стрелой во время богатырского сна. После этого красавица становится его женой. С ней вместе он приходит к Са-Темиру и остается жить у него.

Через много лет Идиге вспоминает о долге мести Тохтамышу и просит помощи у Са-Темира. В этом походе вместе с Идиге участвует его сын Нуреддин (Нурадин, Нурали, Мурадин), рожденный от дочери Са-Темира. В большинстве вариантов он является главным мстителем. Иногда о нем рассказывают, что, когда он играл в альчики (бабки) с другими детьми и показал им свою силу, кто-то сказал ему с упреком, что лучше было бы ему отомстить за обиду, нанесенную его отцу Тохтамышем. При приближении отца и сына Тохтамыш, покинутый своими эмирами (иногда — по предательскому совету Джанбая), бежит. В жалобной песне он оплакивает свою тяжелую участь. Он скрывается от преследователей в камышах на берегу озера, где его выдает крик болотной птицы (чибиса). Нуреддин настигает его и, одолев в поединке, отрубает ему голову, которую привозит как трофей.

После победы между отцом и сыном происходит ссора из-за дочерей Тохтамыша, ставших добычей победителей. Нуреддин хотел оставить себе младшую, но отец в его отсутствие завладел обеими (в некоторых вариантах столкновение вызвано клеветой или интригами Джанбая). Нуреддин в гневе бьет отца своим кобызом и выбивает ему глаз. В трогательной песне отец упрекает его, напоминая сыну о любви, которой он был окружен в детстве. Долгое время они кочуют врозь, пока Нуреддин (заболев тяжелой болезнью, или, в других редакциях, получив доказательство доброты и мудрости отца) не является к старику с повинной и не получает прощение.

Мстителем за Тохтамыша является его сын Кадыр-Берди. По одному варианту сказания, он насмеялся над Идиге и его сыном, войдя хитростью в их юрту и опозорив их тем, что сел на спину старого Идиге. Отец и сын, посрамленные, умирают от горя. По другому варианту, Кадыр-Берди (с помощью изменника Джанбая) заманил безоружного Нуреддина в засаду. Когда Нуреддин вошел в его шатер, он уса-

дил своего врага на ковер, посланный на гвоздях (на остриях ножей), и стал допрашивать его о судьбе своих родителей. Несмотря на испытываемую муку, Нуреддин с надменностью хвалится своими подвигами. Кадыр-Берди отрубил ему голову и тем отомстил за отца. По ногайскому варианту Семенова и некоторым другим, победитель, восхищенный храбростью своего пленника, помирился с ним, и Нуреддин, признав себя вассалом Кадыр-Берди, получил улус в ногайских степях.

Несмотря на наличие отмеченных нами попутно различий в деталях развития сюжета, основная последовательность событий исторической легенды остается одинаковой, если она не разрушена процессом перерождения эпоса в сказку, о котором будет сказано ниже: чудесное происхождение и детство Идиге; его служба у Тохтамышша и бегство к Са-Темиру от несправедливых преследований хана; эпизод его «казачества» и встреча с Кабардин-Алпом и дочерью Са-Темира; его возвращение спустя много лет вместе с Нуреддином и месть Тохтамышу; ссора между Идиге и его сыном; возвращение сына Тохтамышша Кадыр-Берди и его победа над Идиге и Нуреддином.

Однако сходство это не ограничивается общим сюжетным содержанием: оно распространяется и на основные стихотворные партии повествования («песни» — по-казахски *жыр*), чередующиеся с прозаическим рассказом. Такая смешанная эпическая форма, как это видно на ряде примеров архаических богатырских сказок народов Южной Сибири, искони существовала у тюркоязычных народов рядом с чисто стихотворной (типа киргизского «Манаса»), что, конечно, не исключает многочисленных примеров позднейших пересказов стихов в форме прозаических сказок (типа русских «побывальщин»). К большим песенным партиям, прочно сохраняющимся в самых отдаленных районах, где бытует поэма, от Сибири до Крыма, относятся: обращение Тохтамышша к своим вельможам за советом, что делать с Идиге; пророчество старца Суп-Джирау; диалог между Идиге и Жанбаем, посланным вернуть его, на берегу Итиля (Волги); предсмертный плач Тохтамышша; жалоба Идиге на обиду, нанесенную ему любимым сыном Нуреддином, и некоторые другие. Различия в объеме этих партий, отмеченные в статье А. Н. Самойловича, свидетельствуют о возможности расширения, пропусков и вариаций, характерных для устного народного творчества. Однако наличие между ними текстуальной близости позволяет предполагать, что современные варианты эпического сказания восходят к одному общему источнику — народной эпической поэме, сложенной певцом, обработавшим

в художественной форме устные предания о популярном герое.

Наиболее значительные расхождения наблюдаются в первой, вступительной части поэмы (происхождение и детство Идиге), которая во всех редакциях имеет прозаическую форму. Весьма вероятно, что эта часть — происхождения более позднего, причем в устном предании, не связанном стихотворным размером, конкурировали различные местные варианты.

4

В основе эпических сказаний об Идиге лежат исторические события, относящиеся к концу XIV — началу XV в., периоду усиливающегося политического распада Золотой Орды и утверждения на Востоке новой мировой державы Тимура (Тамерлана) с центром в Средней Азии. Об этих событиях подробно рассказывают современные им историки и летописцы: восточные (персидские, арабские, а также более поздние — турецкие и татарские) и западные (русские и литовско-польские летописи и хроники)¹². В зависимости от круга своих территориально-политических интересов, национальных и партийных пристрастий и оценок они описывают ту или иную часть событий с различной степенью полноты и объективности, но в целом критическое сопоставление источников позволяет восстановить довольно полную картину всей совокупности событий, послуживших основанием для развития эпического сказания.

Персидские историки XV в. — Низам-ад-дин Шами («Книга побед», 1401-02 г.), Муин-ад-дин Натанзи (так называемый «аноним Искендера», 1413-14 г.), Шереф-ад-дин Йезди («Книга побед» — закончена в 1424-25 г.), Абд-ар-Раззак Самарканди («Из места восхода двух счастливейших звезд и места слияния двух морей» — закончено между 1470 — 1476 гг.) писали историю Тимура и Тимуридов и рассматривали события в Золотой Орде только в той части, в какой они входили в эту историю. Походы Тохтамыша и Идиге на Москву или битва при Ворскле выходят за пределы их кругозора (о последней смутное упоминание имеется только

¹² Арабские и персидские историки, писавшие о Золотой Орде, переведены в извлечениях В. Тизенгаузеном. [Их имена приводятся автором в той же форме, что и у В. Тизенгаузена, а не в общепринятой теперь транскрипции. — Прим. редколлегии]. См.: В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884; т. II. Извлечения из персидских сочинений, Л., 1941. См. также: Б. Греков, А. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

у анонима Искендера)¹³. Персидские историки пишут при дворе и во славу Тимура и его династии, опираясь при этом в значительной степени на официальные источники — дневники и описания его походов, составленные придворными летописцами. Этим определяется их точка зрения на события.

К персидским историкам примыкает в основном и хивинский хан Абулгази в своем «Родословном древе тюрков» (ок. 1663 г.), хотя в его распоряжении кроме перечисленных источников были, по-видимому, и другие, нам пока недоступные¹⁴.

Из арабских историков событий в Средней Азии касаются Ибн-Халдун (ум. в 1406 г.) в «Книге назидательных примеров», в особенности Ибн-Арабшах (1388—1450) в «Чудесах предопределения в судьбах Тимура». Ибн-Арабшах родился в Дамаске. В 1400 г. двенадцатилетним мальчиком при взятии этого города войсками Тимура был уведен в плен в Самарканд. Здесь он овладел практически языками персидским, тюркским и монгольским, побывал в Хорезме, Сарае, Астрахани и в Крыму, оттуда попал в Адрианополь, служил султану Мехмеду I, сыну Баязида, вел его переписку на арабском, тюркском, персидском и монгольском языках, переводил для него книги с арабского и персидского на тюркский, в 1421 г. перебрался в Дамаск, в 1429 г. — в Каир, где прожил последние годы своей жизни.

Свидетель последних лет царствования Тимура, Ибн-Арабшах относится к нему резко враждебно и своей критикой часто поправляет и дополняет официозно-панегирические персидские источники. Политические отношения, о которых персидские историки говорят с гораздо большей ясностью, отодвигаются отношениями личными между главными героями исторических событий. На первом плане в делах, касающихся Золотой Орды, стоят, кроме Тимура, Тохтамыш и Идиге. Борьбой между этими последними определяется ход исторической драмы. К Идиге Ибн-Арабшах относится с явной симпатией. Многие из того, что он рассказывает о нем и Тохтамыше, почерпнуто несомненно из устных источников. Ибн-Арабшах находился в Средней Азии и в Золотой Орде в 1400—1411 гг., в период наибольшей славы Идиге после окончательного разгрома Тохтамыша и победы на Ворскле над Витовтом, когда знаменитый эмир был единовластным повелителем на Орде. Вокруг событий, связанных с его возвышением и борьбой против Тохтамыша (1389—1399), уже

¹³ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 133.

¹⁴ Абул-Гази, Родословное древо тюрков, пер. Г. Саблукова, под ред. Н. Катанова, Казань, 1906, стр. 142—143 и 157.

слагалась поэтическая легенда, зафиксированная Ибн-Арабшахом в ее первой стадии и позже обработанная в эпической форме народными певцами. Арабские летописцы Бедреддин Элайни (1361—1451), Эльмакризи (1365—1442), Эласкалани (1372—1449), Эласади (1377—1448), писавшие в Каире и в Дамаске, частично дополняют перечисленных выше персидских и арабских авторов эпизодическими известиями о политических связях Тохтамыша, Идиге и Тимура с Ближним Востоком¹⁵.

Картину отношений Золотой Орды с Восточной Европой, с Русью и Литвой дают только западные источники — русские летописи и польско-литовские хроники (хроника историка Длугоша, использованная уже Карамзиным). Русские летописи (Новгородская, Псковская, Ростовская и Архангельская, в особенности Никоновский свод) подробно рассказывают о походе Тохтамыша и Идиге на Москву, о битве на Ворскле и значительно менее полно о внутривосточных делах Золотой Орды (борьба Мамай, Тохтамыша и Идиге). Таким образом, восточные и западные летописцы и историки дополняют друг друга. Упоминают об Идиге как о правителе Золотой Орды и западноевропейские путешественники, с разными целями проникавшие на Восток: Клавихо, посол кастильского короля Генриха III, побывавший в Закавказье, Персии и Средней Азии в последние годы царствования Тимура (1403—1405) и оставивший дневник своего путешествия («Жизнь и деяния Великого Тамерлана»), и немецкий авантюрист, баварец Шильтбергер, взятый в плен турками в 1395 г. и вернувшийся на родину в 1427 г. («Путешествие Шильтбергера на Восток»).

Все названные источники с большей или меньшей полнотой рассказывают об исторических событиях, послуживших основой эпической легенды, — о долголетней борьбе между Тохтамышем и Идиге.

Исторический Тохтамыш (Тохтамыш русских летописей) был татарским царевичем, потомком Чингиз-хана. Арабские историки, менее достоверные в вопросах генеалогии, называют его сыном хана Золотой Орды Берди-бека (Ибн-Халдун). Согласно персидским источникам, отцом Тохтамыша был Тули-Ходжа — брат или дальний родственник Урус-хана, тогдашнего властителя Белой орды (восточной части ордынских владений). Урус-хан казнил Тули-Ходжу, но пощадил его сына ввиду его малолетия (аноним Искендера).

Золотой Ордой после смерти Берди-бека управлял известный из русской истории Мамай, один из монгольских эмиров,

¹⁵ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 531.

женатый на дочери Берди-бека; по своему произволу он назначал ханов из династии Чингизидов, оставаясь сам фактически правителем государства. В период с 1360 по 1380 г. в Золотой Орде сменилось 14 ханов и происходили непрерывные междоусобицы между крупными эмирами, отставившими независимость своих феодальных уделов («улусов»). Мамаю не удалось восстановить единства государства, обреченного на распад из-за внутренних противоречий между земледельческими и городскими оазисами и кочевой степью (военная эксплуатация разноплеменного оседлого населения, стоявшего на гораздо более высокой ступени развития, чем господствующая феодальная верхушка). В Астрахани правил Хаджи-Черкес, в Белой орде — Урус-хан, который в конце концов завладел и Сараем, столицей Золотой Орды, и изгнал Мамаю в его крымский улус.

Молодой Тохтамыш, находившийся сперва у Урус-хана, вскоре нашел прибежище и поддержку у Тимура и с его помощью пытался утвердиться в Белой орде. Однако, несмотря на военную помощь Тимура, в столкновениях с ханами Золотой Орды (Урус-ханом и его преемником Тимур-Меликом) Тохтамыш несколько раз терпел поражения. Только в 1380 г., когда Мамай был разбит великим князем Московским Дмитрием Донским на Куликовом поле, Тохтамыш, при поддержке Тимура, овладел Золотой Ордой и Сараем, откуда в 1382 г. он предпринял свой, известный из русской истории, поход на Москву.

С воцарением Тохтамыша в Золотой Орде начинается борьба за власть между ним и его прежним покровителем Тимуром. Персидские историки приписывают инициативу недоброжелательства и враждебных действий Тохтамышу. Их сообщения подтверждаются изложением Клавихо, который говорит о вторжении Тохтамыша во владения Тимура. Арабские летописцы (Эльмакризи, Эласкалани, Эласади, Элайни) упоминают о посольствах Тохтамыша к египетскому султану и в Дамаск (в 1385 и 1393—1395 гг.) с предложением союза против Тимура. «И прибыли в Дамаск послы Токтамыш-хана, овладевшего землями Узбековыми, и сказали, что хан просит, чтобы он (султан) был с ним (Токтамыш-ханом) одною рукою против бунтовщика Тимурленка», сообщает Элайни (1393—1394)¹⁶. Весьма возможно, что Тохтамыш как Чингизид смотрел на себя как на законного главу монгольской империи Чингиз-хана, в то время как Тимур, со своей стороны, видел возможного соперника в монгольском царевиче, обязанном ему своим возвышением, в особенности после то-

¹⁶ Там же.

го как Тохтамыш объединил под своей властью обе Орды и стал действовать независимо.

При Тимуре политический центр монгольской империи переносится из Золотой Орды в более развитые в экономическом и общественном отношении среднеазиатские владения Тимура. Сильная и независимая Золотая Орда была постоянной угрозой для великого завоевателя. Поэтому он старается подчинить себе это окраинное государство, сделать золотоордынского хана своим вассалом, и с этой целью неизменно поддерживает оппозицию против своих собственных ставленников, как только они проявляют признаки независимости. Подобно тому как он сперва поддерживал молодого Тохтамыша против Урус-хана и Мамая, в дальнейшем он будет поддерживать Тимур-Кутлука и Идиге против Тохтамыша и в конце своей жизни — того же Тохтамыша против Идиге, ставшего тем временем фактическим правителем Золотой Орды.

Трения между Тохтамышем и Тимуром возникли, по-видимому, из-за пограничных владений на Кавказе и в Хорезме. В дальнейшем ходе этого конфликта большую роль сыграл Идиге.

Идиге (Идигу, или Идику, — у восточных историков, в русских летописях — Едигей) происходил, согласно персидским источникам, из племени мангыт (по Абулгази — из ак-мангытов, т. е. «белых мангытов»), как это подтверждается и позднейшими родословными ногайских князей, считавших себя его потомками. Изолированный и, вероятно, ошибочный характер имеет свидетельство Ибн-Арабшаха, который производит его род от племени кунграт (может быть, по матери?). Идиге был одним из эмиров Тохтамыша. Ибн-Арабшах называет его «одним из главных эмиров левой стороны» (т. е. начальников левого крыла монгольской армии). Абулгази, в соответствии с эпической традицией и, может быть, под ее влиянием, называет отцом Идиге Кутлук-кия. Согласно его сообщению, сестра Идиге была замужем за Тимур-беком (ханом Тимур-Меликом), предшественником Тохтамыша и отцом царевича Тимур-Кутлука, который впоследствии вместе с Идиге отъехал от Тохтамыша к Тимуру и с помощью последнего завладел золотоордынским престолом. С другой стороны, более ранние персидские исторические источники (аноним Искендера и опирающийся на него Абд-ар-Раззак Самарканди) называют отцом Идиге некоего Балтычака (или Балынчака), главного эмира хана Тимур-Мелика.

Когда Тимур-Мелик был побежден и убит Тохтамышем — так рассказывает аноним Искендера, — Балтычака, «закованного и пленного, привели ко двору Тохтамыша». «Так как его

верность и добросовестность славились, Тохтамыш сказал ему: „Если ты признаешь меня своим государем, то ни на один волос я не уклонюсь от оказания почета и уважения к тебе и вручу поводья распоряжения царством и имуществом в руки твоей заботы“. Балтычак задрожал и ответил: „Если бы руки мои не были связаны, я ответил бы тебе. Пусть ослепнет тот глаз, который может видеть тебя на месте своего государя. Если в твоих руках власть, то прикажи, чтобы меня также казнили, чтобы голову государя положили на мою голову и тело его на мое тело, дабы, если я не умер ранее его, то уже раньше его был бы предан праху“. Тохтамыш удовлетворил его просьбу»¹⁷.

Персидские источники называют имя Идиге рядом с именами царевичей Чингизидов, перебежавших от Тохтамыша к Тимуру (Тимур-Кутлук-Оглан, сын хана Тимур-Мелика, и Кунче-Оглан). Все они были «старинными врагами Тохтамыш-хана» и «пришли искать убежища у Тимура»¹⁸. Если основываться на приведенных сведениях анонима Искендера и Абулгази, которые расходятся лишь в деталях, Идиге был связан с Тимур-Кутлуком через отца, служившего отцу царевича Тимур-Мелику. По рассказу Абулгази, Идиге ждал только совершеннолетия царевича, чтобы покинуть Тохтамыша, и бежал к Тимуру через шесть месяцев после бегства Тимур-Кутлука. Ему самому, как устанавливает В. В. Бартольд, было в это время уже за 40 лет¹⁹. По всему дальнейшему ходу событий можно полагать, что он руководил поступками будущего претендента на золотоордынский престол.

В изложении Ибн-Арабшаха, которое, как уже было сказано, явно сочувственно Идиге и богато полулегендарными подробностями, эти политические отношения уже забыты, и конфликт, как в позднейшем эпическом сказании, всецело переносится на личную почву: Тохтамыш несправедливо заподозрил Идиге в измене и тем заставил его перебежать к Тимуру. Рассказ Ибн-Арабшаха близок к поэме и основан, вероятно, на устных источниках.

«Эмир Идику был у Тохтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся в время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кунграт... Заметив со стороны

¹⁷ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 132. Рассказ повторяется у Самарканди (там же, стр. 194).

¹⁸ Низам-ад-дин Шами, см.: В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 118.

¹⁹ В. В. Бартольд, Отец Едигея, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 801.

своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться за себя, и так как Тохтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не настигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. Он стал наблюдать и следить за ним, ухаживать за ним и лстить ему, но в одну из ночей веселия, когда звезды чаш кружились в сферах удвольствия и султан вина уже распорядился пленником ума, случилось, что Тохтамыш сказал Идику,— а огонь разумения то потухал, то вспыхивал: „(Настанет) для меня и для тебя день, (когда) ввергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существование твоего сном от действия гибели“. Идику старался обойти его и стал шутить с ним, говоря: „Не дай бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завяте деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил“. Затем он (Идику) высказал наружно смирение, покорность, убожество и принижение, но, убедившись в действительности того, что он подозревал, он стал изощрять свой ум насчет спасения и употреблять на это дело проницательность и сметливость, понимая, что если оставит без внимания свое дело или отсрочит его, с тем чтобы подождать немного, то (им) займется султан. Он быстро проскользнул между свитой и слугами и вышел в сильном смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, отправился в конюшню Тохтамыша в сильном неулегавшемся волнении, устремился на оседланного породистого, быстроногого коня, стоявшего готовым на всякий несчастный случай, и сказал одному из слуг своих, в котором он был уверен, что не выдаст его тайны: „Кто захочет застать меня, тот найдет меня у Тимура; не разглашай этой тайны до тех пор, пока не удостоверишься, что я перебрался через пустыни“. Затем он, оставив его, уехал; хватились его только тогда, когда он уже (далеко) ускакал вперед и верхом постепенно, благодаря милостям пути, успел проехать длиннейшие пространства. Не настигли следов его и не догнали ни его, ни пыли, (поднятой им)»²⁰.

По рассказу Ибн-Арабшаха, Идиге был инициатором похода Тимура против Тохтамыша: он будто бы убедил своего нового повелителя, что в Золотой Орде его ждет легкая победа и богатая добыча. «Богатства же там подадутся угону, и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!»²¹. Персидские историки, приписывающие вину в разрыве самому Тохтамышу,

²⁰ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 458.

²¹ Там же, стр. 459.

называют «Идиге-узбека», как и других перебежчиков из Золотой Орды, только в числе провожатых войска Тимура²².

Активная роль Идиге и других золотоордынских беглецов в конфликте между Тохтамышем и Тимуром подтверждается одним из немногих подлинных татарских документов этой эпохи — ярлыком хана Тохтамыша литовскому великому князю Ягайлу, вызванным этими событиями. «Третьего года, — сообщает Тохтамыш, — послали некоторые огланы (царевичи), во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-Берди и Давуд, человека по имени Эдигу к Тимуру, чтобы призвать его тайным образом. Он пришел на этот призыв и согласно их злонамеренному плану послал им весть. Мы узнали об этом только тогда, когда он дошел до пределов (нашего) города, собрались, и в то время, когда мы хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись и вследствие этого в народе произошло смятение. Все это дело случилось таким образом. Но бог милостив и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Ходжа-Медин, Бекиш, Турдучак-Берди и Давуд»²³.

Ярлык написан в 1393 г., описанные в нем события имели место на три года раньше, вероятно уже в 1389 г., в год первого столкновения Тимура с Тохтамышем.

В 1389 г. Тохтамыш выступил в поход против Тимура и был разбит им на берегах Сырдарьи, недалеко от Сыгнака, столицы Белой орды; в 1391 г. он потерпел второе, более серьезное поражение на р. Яик (Урал); в 1395 г. — третье, самое жестокое, на Кавказе, на берегу Терека. Войска Тимура на этот раз преследовали разбитого Тохтамыша до Волги, захватили, разграбили и сожгли Сарай. После этого страшного разгрома столица Золотой Орды уже не возрождалась в прежнем блеске. Это поражение было началом падения внешнеполитического могущества татарского государства.

В дальнейшем, по рассказам персидских и арабских историков, Идиге и Тимур-Кутлук отплатили Тимуру «неблагодарностью», отложившись от него, как только, поверив их обещаниям, он отпустил их в Золотую Орду. Абулгази приписывает инициативу этого разрыва Идиге. Когда Тимур-Кутлук, в соответствии с обещанием, данным Тимуру, собирался привести ему своих людей, Идиге будто бы сказал царевичу: «Какая польза тебе от того, что ты этих людей приведешь к Тимур-бию? Тимур разошлет их из Самарканда по разным местам, а ты останешься, как и прежде, только слугою Ти-

²² Шериф-ад-дин Йезди, см.: В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 159.

²³ См.: В. В. Радлов, Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, — ЗВОРАО, 1889, т. III, стр. 6.

мура»²⁴. По прибытии в Золотую Орду Тимур-Кутлук как царевич из рода Чингиз-хана стал ханом, а Идиге — военачальником («эмиром») и фактическим правителем страны²⁵. Золотоордынские владения продолжали оставаться независимыми от Тимура.

Согласно русским летописным источникам, побежденный Тохтамыш бежал в Литву к великому князю Витовту. Тимур-Кутлук напрасно требовал от Витовта выдачи своего врага. Витовт поддерживал Тохтамыша, надеясь с его помощью распространить свою власть на татарские земли. В 1399 г. многочисленные войска Литвы и ее союзников (татар Тохтамыша, рыцарей Тевтонского ордена и западнорусских князей) встретились с войсками Тимур-Кутлука на р. Ворскле. По летописному рассказу, Витовт потребовал от своего противника изъявления покорности. «Бог покорил мне все земли, покорися и ты мне и буди мне сын, а яз тебе отец, и давай им на всяко лето дани и оброки; аще ли не хочещи тако, да будещи мне раб, а яз Орду твою всю мечу предам». Испуганный и растерявшийся Тимур-Кутлук готов был принять все условия позорного мира, предложенного литовским великим князем, кроме одного, означавшего потерю суверенитета — «быти на денгах Ордынских знамениє Витовтово». Во время совещания Тимур-Кутлука с его вельможами «прииде к нему князь его Едигей». «Сей бо Едигей,— пишет летописец,— князь великий бе во всей Орде, и мужествен, и крепок, и храбр зело; и услыша от царя своего о Витовте, и какося покори Витовту и рече ко царю сице: „О царю, лутче нам смерть приати, неже сешу быти“». После этого Едигей послал к Витовту и предложил ему встретиться для переговоров на реке Ворскле. Витовт стоял на одном берегу, Едигей — на другом, а между ними была река. «Рече Едигей, князь велики ординский, Витовту, великому князю литовскому: „Вправду еси взял волнаго нашего царя Болшія орди в сыны себе, понеже ти еси стар — а волный наш царь велики Орди Темир-Кутлуй млад есть; но подобает тебе разумети и се: понеже зело еси премудр и удал, разумей убо, яко аз есть стар пред тобою, а ты млад предо мною, и подобает мне над тобою отцем быти, а тебе у меня сыном быти, и дань и оброки на всяко лето мне имети со всего твоего княженія, и во всем твоём княжении на твоих деньгах литовских моему Ордынскому знамени быти“». Витовт же Кестутьевич, слышев сіа, возяриса зело и възкрича и повеле воинству

²⁴ Абул-Гази, Родословное древо тюрков, стр. 148.

²⁵ Аноним Искендера, см.: В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 133.

своему всему на битву готовиться; и быше тамо видети страшно обе силы великы, снимающесе на кровопролитие и смерть»²⁶.

Битва на Ворскле закончилась победой татар и полным разгромом Витовта и его союзников. По словам летописца, убито было в этой битве «всех князей именитых и славных 70 и 4. А иных воевод и бояр великих, и христиан, и Литвы и Руси, и Ляхов и Немцев, елико избито, многое множество кто возможесть изчести?..»²⁷.

Войска Тимур-Кутлука и Идиге преследовали Витовта до самого Киева. Город откупился от разграбления, уплатив татарам огромную по тому времени дань — 3000 рублей.

Другой рассказ о битве на Ворскле содержит «Польская история» Длугоша.

Во главе огромного татарского войска стоял не «цезарь татарский Тамерлан» (т. е. не хан Тимур-Кутлук), «но один из князей Эдига (привыкший назначать и низводить цезарей)» (*sed unus ex ducibus Ediga (Caesares etiam sustiuere, destituere selitus) ducebat...*). Идиге перед битвой готов был покончить дело миром, правда, отнюдь не на почетных для Витовта условиях (*conditiones parae honestae*). Некоторые более осторожные приближенные Витовта, во главе со Spithkode Malsthin, учитывая огромное численное превосходство татарского войска, настаивали на принятии этих условий, но на военном совете одержали верх горячие головы, в особенности польский рыцарь Павел Жуковский, который добился того, что условия Идиге были отвергнуты.

Последовало поражение Витовта²⁸.

Рассказ польской хроники, вероятно, ближе к историческим фактам. Повествование русского летописца имеет значение не столько как документальное историческое свидетельство о роли Едигея в делах Орды, сколько одновременно как отражение окружавшей его при жизни воинской славы, о которой рассказывали и за пределами золотоордынского ханства.

Дальнейшие известия о судьбе Тохтамыша разноречивы. Большинство восточных источников перестает упоминать о нем уже после взятия Тимуром Сарая, ограничиваясь указанием, что он был убит по приказу одного из победителей (Тимура, Тимур-Кутлука или Идиге). На самом деле Тохтамыш и после поражения на Ворскле не оставил мысли о возвра-

²⁶ По Никоновской летописи (Полное собрание русских летописей, т. XI, СПб., 1897, стр. 172—174).

²⁷ Там же, стр. 174.

²⁸ J. Długosz {Longinus}, *Annales seu cronica inlyti regni Poloniae*, т. II—V, Kraków, 1873—1878 (кн. X).

щении в Золотую Орду. На этот раз он рассчитывал на поддержку своего старого врага Тимура.

После воцарения Тимур-Кутлука в Золотой Орде, совершившегося, по-видимому, против воли Тимура, отношения между Ордой и Тимуром оставались во всяком случае натянутыми. Правда, по сообщению персидских источников (Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Йезди), Тимур в августе 1398 г., накануне похода в Индию, принял послов Тимур-Кутлука и Идиге и простил раскаявшимся золотоордынским правителям нарушение его воли («провел пером прощения по листу их прегрешений») ²⁹. Тем не менее, когда после смерти Тимур-Кутлука среди его наследников возникли смуты, Тимур стал готовиться к новому вооруженному вмешательству в дела Орды. Как пишет Шереф-ад-дин Йезди (ноябрь 1401 г.), «решено было, что в начале весны (1402) победоносное знамя двинется в Дешт-и-Кипчак». Впрочем, и на этот раз правитель Орды прислал послов, которые «заявили о покорности и подчинении», и «гнев его величества утих» ³⁰.

Однако конфликт, возникший между Тимуром и Идиге, не мог быть улажен внешними изъявлениями покорности. Существование сильного татарского государства на западной границе среднеазиатских владений Тимура являлось постоянной угрозой безопасности последних, и Тимур вынужден был вступить в вооруженный конфликт с Идиге, как прежде с Тохтамышем.

За месяц до своей смерти, в январе 1405 г., согласно тому же источнику, Тимур принял послов Тохтамыша, также изъяснившего раскаяние в своей «неблагодарности» и просившего о помощи для восстановления своей власти в Золотой Орде на правах вассала Тимура. Шереф-ад-дин Йезди передает таким образом содержание «послания» Тохтамыша к Тимур-у: «Возмездие и воздаяние за неблагодарность за благодеяния и милости я видел и испытал. Если царская милость проведет черту прощения по списку прегрешений и проступков этого несчастного, то он после этого не вытащит голову из узды покорности и не сдвинет ногу с пути повиновения».

Тимур обещал Тохтамышу по окончании предпринятого похода в Китай поддержать военной силой его притязания на золотоордынский престол. «После этого похода я, с божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему» ³¹.

Известие это подтверждается сообщением Клавихо, который во время своего пребывания в Самарканде (сентябрь —

²⁹ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 125, 187—188.

³⁰ Там же, стр. 188.

³¹ Там же, стр. 189.

ноябрь 1404 г.) отмечает, что «Тохтамыш и сыновья его живы и в дружбе с Тимур-беком». Один из этих сыновей, осажденный Идиге в Кафе, после взятия города «бежал к Тимур-беку». Взятие Кафы войсками Идиге в год битвы на Ворскле (6906) упоминается и русскими летописями. Тимур и Идиге, которого Клавихо называет «господином Татарию» (el Señor de Tataria), — «большие враги друг с другом»³².

Смерть помешала Тимуру осуществить эти планы. Клавихо, находившийся тогда в Тебризе, рассказывает о возмущении, возникшем в связи с этим событием в войсках Тимура (26 марта 1405 г.), причем характерно, что сразу же пронесся слух о вторжении в его владения «императора Татарского» Идиге³³. Действительно, Идиге воспользовался смутами, вызванными смертью Тимура, чтобы захватить Хорезм, на который Золотая Орда и ранее неоднократно предъявляла претензии (согласно сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди, захват Хорезма произошел в реджебе 808 г., т. е. между 23 декабря 1405 и 21 января 1406 г.)³⁴. Хорезм был отвоеван Тимуридами (Шахрухом) лишь после низвержения Идиге сыновьями Тохтамыша (в 1413 г.).

Вскоре после смерти Тимура погиб и Тохтамыш. В последние годы своей жизни, как говорит Шереф-ад-дин Йезди, он «скитался по степям, в плохом состоянии и растерянный»³⁵. По свидетельству русских летописей, он был убит в 1406 г., застигнутый отрядом войск хана Шади-бека, преемника Тимур-Кутлука, близ Тюмени в Сибири³⁶. Здесь сохранился курган, который почитался местным мусульманским населением как могила хана Тохтамыша³⁷.

Исторический труд Ибн-Арабшаха, столь богатый легендарными подробностями о борьбе Идиге с Тохтамышем, сообщает о гибели последнего, очевидно, по устным рассказам, в форме, уже приближающейся к позднему эпическому преданию:

«...они сразились между собой 15 раз, (причем) раз тот одержит верх над этим, а другой раз этот над тем». В пятнадцатом сражении был разбит Идику, и он вынужден был бежать в степи. «Но Идику был превосходный знаток этих песчаных бугров и холмов и (один) из тех, который поступь

³² Р. Г. де Клавихо, Жизнь и деяния Великого Тамерлана, под ред. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1), стр. 342.

³³ Там же, стр. 366.

³⁴ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 193.

³⁵ Там же, стр. 189.

³⁶ Никоновская летопись, — Полное собрание русских летописей, т. XI, стр. 172—174.

³⁷ Ср.: Н. Сорокин, Могила хана Тохтамыша, стр. 104.

ног своих (часто) пересекал поверхность этих безводных и диких степей. Он шел, выжидая и высматривая», пока не представлялся удобный случай напасть на врага врасплох.

«Убедившись, что Токтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал „лев смертей“, он (Идику) стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Тохтамыш) один без войска (находится) в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночною ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей охватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший разлуку (с жизнью). Утвердилось дело Дештское (Золотая Орда) за правителем Идику и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Токтамыша разбрелись в (разные) стороны: Джелаледдин и Керимберди (ушли) в Россию, а Кубал и остальные братья — в Саганак»³⁸.

Русские летописи подтверждают, что старший сын Тохтамыша Джелаледдин («Зелени-Салтын») нашел убежище у великого князя Московского Василия II, который, по словам Карамзина, принял сыновей Тохтамыша «с намерением питать мятеж в Орде»³⁹.

Рассказ Ибн-Арабшаха о смерти Тохтамыша, как отметил уже Мелиоранский, соприкасается с эпическим преданием в том смысле, что, по обеим версиям, «Токтамыш был убит Едигеем не в правильном сражении, а во время предательского ночного нападения, когда находился один без войска в загородной местности»⁴⁰. Однако еще ближе к эпосу другой эпизод из биографии Тохтамыша, относящийся к годам его молодости, о которой рассказывают персидские историки. Когда молодой Тохтамыш вынужден был спастись бегством после одного из поражений, нанесенных ему войсками Урус-хана, он (как в поэме) прячется, раненый, в камышах

³⁸ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 470—472.

³⁹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. V, гл. II, стр. 118.

⁴⁰ Сказание об Едигее и Токтамыше, стр. 12.

реки, и стон выдает присутствие беглеца посланному на его розыски брату Тимура, Идиги-Барласу (может быть, не случайное совпадение имен). Ср. рассказ Шереф-ад-дина Йезди:

«Когда Тохтамыш-оглан, устроив свое войско, двинулся к нему навстречу и последовало сражение, то войско его было разбито и бежало. Он (сам), обратившись также в бегство, прибыл к берегу р. Сейхун и, из страха за (свою) жизнь, снял (с себя) одежду и бросился в реку. Казанчи-бахадур (один из главных витязей Урус-хана), преследуя его, дошел до берега реки и стрелой ранил его в руку. Перебравшись вплавь через реку, он (Тохтамыш), нагой, одинокий и раненый, зашел в лес и упал на землю и хворост. Благодаря одной из необычайных случайностей Тимур (перед тем) отправил к нему Идигу-Барласа, чтобы тот наставил его (Тохтамыша), дабы он был храбр и мужествен в деле царства, дабы соблюдал осторожность в отражении врагов и приводил в порядок свою область. Случайно эмиру Идигу пришлось проходить ночью в том лесу. До слуха его дошел какой-то стон, и когда он (Идигу) стал доискиваться (причины его), то увидел Тохтамыша нагого, раненого и упавшего без чувств. Он тотчас же спустился к нему и, выказав ему как следует заботу и сострадание по случаю нанесенной ему раны, снабдил его из того, что было при нем сообразно положению его (Тохтамыша), пищу, питье и одежду; насколько мог, соблюдал все, что составляет долг заботливости и сердечной привязанности, и отвел его к Тимуру...»⁴¹.

Весьма вероятно, что рассказ этот, переданный персидскими историками, уже свидетельствует о слагающемся поэтическом предании.

Идиге оставался правителем Золотой Орды и при ближайших преемниках Тимур-Кутлука — Шади-беке, его сыне Пулате (Фуладе) и Тимур-беке, сыне Тимур-Кутлука. По русским источникам Шади-бек, а по персидским — Тимур-бек были женаты на дочерях Идиге. Оба эти хана пытались вступить в конфликт с всемогущим временщиком, однако успеха не имели. По монгольскому обычаю, ханами продолжали оставаться Чингизиды, но фактически, несмотря на попытки править самостоятельно, они были только ставленниками могущественного эмира. «Устраивалось дело людское по указам Идику, — писал Ибн-Арабшах, — он водворял в султанство, кого хотел, и смещал с него, когда хотел: прикажет, и никто не противится ему, проведет грань, и никто не переступит этой черты»⁴². «Правил он всеми делами Дештскими

⁴¹ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 147—148.

⁴² В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 472.

(т. е. Золотой Орды) около 20 лет»⁴³. Продолжатель арабской летописи, Эддзехеби Шемседдин Эссахави, в год смерти Идиге (1420) сообщает об этом следующее: «Умер великий эмир в Деште, Идиги, распоряжавшийся управлением Сарая и Дешт-Кипчака». «Султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения. Вот почему некоторые летописцы полагали, что он назывался государем Дешта»⁴⁴. Действительно, многие арабские летописцы этого времени (например, Элайни) титулуют Идиге «султаном» Дештским (т. е. государем Золотой Орды).

Клавиho называет Идиге «господином Татарии» (el Señor de Tataria), «императором Татарским» (может быть, в смысле главного военачальника), наконец — «царем Татарским». «Царь Татарский — очень могущественный человек». Он «водит постоянно в своей Орде больше 200 000 всадников»⁴⁵. По свидетельству другого западноевропейского путешественника, Шильтбергера, Идиге «располагал ханским достоинством и был то же, что Maior domus»⁴⁶ (фактические правители государства при последних франкских королях из династии Меровингов).

При султানে Пулате Идиге предпринял известную по русским летописям попытку восстановить власть Золотой Орды и над великим княжеством Московским. Летописи сохранили его письмо по этому поводу к великому князю Василию II, в котором он напоминает о прежней зависимости земель русской от ханов, требует уплаты дани и выдачи «детей Тохтамышевых». Осада Москвы Идиге в 1408—1409 гг. окончилась неудачно благодаря мужественному сопротивлению москвичей под предводительством дяди великого князя, Владимира Андреевича Храброго, и смутам, вспыхнувшим в самой Орде (выступление царевича Тимура против ставленника Идиге Пулата). Исторически реакционная попытка восстановить эксплуататорскую власть разлагавшейся Орды над гораздо более передовыми и культурно развитыми русскими землями была заранее обречена на неудачу. Единственным результатом похода были огромный выкуп, который Идиге сумел получить с осажденной Москвы, а также грабеж и разорение ряда русских городов татарскими ордами.

Идиге правил Золотой Ордой до возвращения сыновей

⁴³ Там же, стр. 474.

⁴⁴ Там же, стр. 553.

⁴⁵ Р. Г. де Клавиho, Жизнь и деяния, стр. 341.

⁴⁶ H. Schiltberger, Reisetagebuch [1394—1427] nach d. Nürnberger Hs. hrsg. v. Valentin Langmantel, Tübingen, 1885 (Bibl. d. Liter. Vereins in Stuttgart, № CLXXII). Ср. также: Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. V, прим. 215.

Тохтамыш, воспользовавшихся борьбой между сыновьями Тимур-Мелика и низложивших хана Тимура, последнего из ставленников Идиге (1412). Как сообщает персидский историк Абд-ар-Раззак Самарканди, Желаледдин, разбив Тимур-хана, хотел захватить и эмира Идиге, осажденного в Хорезме, но вынужден был в конце концов заключить с ним мир, по которому Идиге признал его право на ханский престол и обязался прислать ему «своего сына Султана-Махмуда и сестру Желаледдина, которая имела этого сына»⁴⁷ (по-видимому, в соответствии с эпическим преданием, одна из жен Идиге была дочерью побежденного им Тохтамыша). При сыновьях Тохтамыша, Желаледдине, его братьях Капекке и Керимберди, Идиге, по-видимому, удалился в свой улус. Однако, согласно рассказу баварского авантюриста Шильтбергера, очевидца этих событий, он попытался еще раз выставить против сыновей Тохтамыша претендентом на ханский престол царевича Чекра, вероятно связанного с той линией Чингизидов, которую он поддерживал⁴⁸. Попытка эта (между 1414 и 1416 гг.) успеха не имела. Чекра продержался против своих противников не более девяти месяцев⁴⁹. По свидетельству польско-литовских источников (Хроника Длугоша), Идиге еще воевал в 1416 г. с Витовтом, сжег Киев и разорил многие литовские области и лишь незадолго до смерти заключил мир со своим старым врагом. Он погиб в 1419 г. в борьбе с одним из сыновей Тохтамыша, которого арабский летописец Элайни и татарский переводчик и продолжатель «Сборника летописей» Рашид-ад-дина (стр. 150) называют, как и эпическая поэма, именем Кадир-берди. Об этом событии Элайни рассказывает следующее:

«У Тохтамыша был сын по имени Кадир-берди, который постоянно воевал с Идики из-за царства. В этом, т. е. 822, году (1419 г. н. э.) Кадир-берди (снова) пошел на Идики, а Идики (со своей стороны) выступил против него. Встретились они, и произошли между ними бой великий и сражение ожесточенное. С обеих сторон было убито много народу; Кадир-берди (сам) был убит во время схватки, и соратники его бежали. Идики также был поражен множеством ран, и войска его также обратились в бегство. Идики бежал, предполагая, что Кадир-берди победил. Покрытый ранами, он прибыл в одно отдаленное место, спешил там и сказал одному из бывших с ним лиц: „Ступай и разведай, в чем дело; если найдешь кого-нибудь из нашего войска, укажи ему (путь)

⁴⁷ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 194.

⁴⁸ H. Schiltberger, Reisetagebuch, стр. 38—41.

⁴⁹ B. Spuler, Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223—1502, Leipzig, 1943, стр. 153—154.

сюда“. Тот отправился и, производя разведки, встретился с одним из эмиров Татарских. Это был один из сторонников Тохтамыш-хана, у которого он был старшим (эмиром). Поведал ему тот человек про дело Идики; тогда он (эмир Тохтамыш) спросил: „Где он?“ Тот указал ему (путь), и он пришел к нему (Идики). Увидев его, Идики стал поносить и стращать его. Тогда тот сказал ему: „День был в нашу пользу, и мы сделали свое дело, (теперь) сделай ты все, что можешь“ (букв. „что бы ни исходило из рук твоих“). Затем он приказал бывшим при нем людям напасть на него (Идики) с мечами, и они разрубили его на куски»⁵⁰.

Ибн-Арабшах сообщает другую версию гибели Идиге: в одном из боев, вызванных возвращением сына Тохтамыша Джелаледдина, он был ранен и потонул в реке Сейхун (Сырдарья). «Его вытащили из реки Сейхун, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы, да смилуется над ним Аллах всевышний!»⁵¹.

Согласно родословной Абулгази, Джелаледдин был старшим сыном Тохтамыша, Кадир-берди — его младшим сыном. В год смерти Идиге Джелаледдин был уже свергнут с престола и убит своими младшими братьями. Поэтому более правдоподобно известие эпоса и сообщение Элайни, которые называют Кадир-берди мстителем за отца и убийцей Идиге.

По казахскому народному преданию, Идиге похоронен на горе Идиге-тау, одной из вершин хребта Улу-тау (в Центральном Казахстане, Карагандинская область). Эта легендарная могила в старые времена пользовалась почитанием как религиозная святыня⁵².

Сказание об Идиге сложилось, по всей вероятности, среди тюркских кочевых племен, входивших в состав так называемой Ногайской орды. Из племен, составлявших эту Орду, на первом месте называются мангыты, к которым принадлежал Идиге. Ногайская орда была, по-видимому, улусом Идиге, во всяком случае во главе ее с XV в. стояли его потомки. Ногайская орда кочевала «к востоку от нижнего течения Волги до Иртыша и от берегов Каспийского и Аральского моря до границ Казанского ханства и Тюмени». «Ногайская орда выступает как особое политическое объединение в последние годы XIV или в начале XV в., когда ее возглавляет Едигей. Ему наследовал его сын Нураддин. В дальнейшем власть оставалась в руках потомков Едигея. Орда не представляла собой чего-либо единого. У каждого из мурз — членов дома Едигея — был собственный улус. Старший между

⁵⁰ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 532—533.

⁵¹ Там же, стр. 473.

⁵² Ср.: Ч. Ч. В а л и х а н о в, Сочинения, стр. 224.

ними почитался за главного князя. Общие дела решались на съездах (курултаях)...»⁵³.

Генеалогию потомков Идиге в истории Ногайской орды XV—XVI вв. осветил В. В. Вельяминов-Зернов в своем «Исследовании о Касимовских царях и царевичах». Вельяминов-Зернов приводит свидетельство «старинной Русской родословной ногайских князей и мурз», внесенной в Синодальный список Родословной книги, напечатанной во «Временнике Имп. Моск. Общества истории и древностей Российских»: «Магнит (т. е. Мангит) сильный Едигей Князь ногайский; а у Едигея Князя дети: Мурадин Мурза (Нуреддин), да Мансырь Князь; а у Мурадина Мурзы дети: Оказ Князь; Оказов сын Муса Князь да Ямгурчай Мурза, да Алсан Князь (вероятно, Асан-Хасан); а Мусин сын большой Шегей Князь убит в Астрахани, а Идык (Сейдяк) Князь, да Ших Мамай Мурза, да Дорой Мурза, да Агисх Мурза; а у Ямгарчая дети: Урастла Мурза, да Агиш Мурза, да Кугуш Мурза; а Мансыров сын Тежубуй Князь, да Темир Князь, был со Ахметом на Угре»⁵⁴. Этот список Родословной книги уточняется и дополняется родословными князей Урусовых и Юсуповых, происходящих из потомков Идиге, в результате кровавых смут в Ногайской орде перешедших во времена Ивана Грозного на службу в Москву⁵⁵.

Об Окассе (сыне Нураддина) и его потомках Вельяминов-Зернов приводит также современное событиям свидетельство поляка Меховского (1621). Согласно Меховскому, ногайскими татарами (которых также называют «Окассами» — Ocassi) управляют сыновья и племянник Окасса»⁵⁶.

Многие из названных в Родословной книге имен ногайских князей, потомков Едигея, упоминаются и в русских летописях (например, Муса, Ямгурчи, Ших-Мамай, Юсуп и др.). О некоторых существовали устные эпические сказания. Кроме Едигея и Нуреддина казахский эпос сохранил нам в генеалогической циклизации эпического свода «Песни о сорока богатырях» (вариант акына Мурун-Джирау) еще несколько былин, героями которых являются Муса-хан (согласно эпическому преданию, сын Нуреддина, по родословной, — его внук), Орак и Мамай (его внуки), Карасай и Казь

⁵³ История СССР, т. I, М., 1939, стр. 291.

⁵⁴ В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 2 (ТВОРАО, т. X), стр. 244, прим. 32.

⁵⁵ См.: Родословная князей Урусовых («Российская Родословная книга»), изд. кн. Петром Долгоруковым, ч. II, СПб., 1855, стр. 26 и сл.; «О роде князей Юсуповых», ч. I—II, СПб., 1866; см. также: М. Таньшпаев, Материал к истории киргизского народа, Ташкент, 1925, стр. 59.

⁵⁶ М. Меховский, Трактат о двух Сарматиях. Пер. С. Аннинского, кн. II, гл. 3, изд-во АН, 1936, стр. 12.

(его правнуки, сыновья Мамай). В том же цикле имеются две эпические песни, героями которых являются Жанбыршыбатыр (т. е. исторический Ямгурчи, брат Мусы и внук Нуреддина) и его сын Тел-агыс (т. е. Агиш-мурза, упоминаемый в той же родословной). Имена двух последних богатырей встречаются и в других произведениях казахского эпоса.

Это совпадение генеалогии эпического цикла с исторической родословной ногайских князей чрезвычайно знаменательно: оно свидетельствует о том, как прочно хранились исторические воспоминания о потомках Идиге в среде ногайского народа, где они были правителями на протяжении ряда поколений.

Почти все варианты поэмы об Идиге (притом не только ногайские, но также казахские и сибирские) говорят о Тохтамыше и Идиге как о правителях ногайского народа⁵⁷. Возможно, что в этом этническом термине сохранилось в данном случае воспоминание о политических отношениях XV в.

О сыне Идиге Нуреддине персидские и арабские исторические источники не упоминают. По сообщению Ибн-Арабшаха, у Идиге «было около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников»⁵⁸. По сведениям Петра Рычкова, писавшего еще в XVIII в., у «ордынского князя» Едигея от девяти жен было тридцать сыновей, из которых «самый последний имел войска 10 000»⁵⁹. Но здесь мы уже вступаем опять в область исторической легенды. Некоторые из сыновей Идиге упоминаются персидскими и арабскими историками и русскими летописцами, но не Нуреддин, вероятно, потому, что они были мало осведомлены о внутренних отношениях золотоордынского государства, в особенности его отдаленного ногайского улуса. Однако анонимный татарский переводчик и продолжатель Рашид-ад-дина (ок. 1600 г.) называет Нуреддина младшим сыном Идиге.

Имя Нуреддина встречается и в поздних турецких источниках, связанных с историей Крыма⁶⁰. Некоторые из них знают даже о ссоре между Идиге и его сыном, хотя причины

⁵⁷ См., например: Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, стр. 242, 244 и др.

⁵⁸ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 474.

⁵⁹ П. Рычков, Опыт Казанской истории древних и средних веков, СПб., 1767, стр. 54.

⁶⁰ L. Langlès, Notice chronologique des Khâns de Crimée [прил. к кн.: «Voyage du Bengale à Petersbourg par G. Forster», Paris, 1802], стр. 386—387; Н. Н. Howorth, History of the Mongols from the 9th to the 19th century, pt II, Div. I, London, 1880, стр. 268—269; В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887, стр. 173—174; S. Çagataı, Die Adigä-Sage, стр. 272—275.

ссоры здесь не романические, как в эпосе, а политические. После смерти хана Шади-бека, сына Тимур-Кутлука, молодой честолюбец будто бы потребовал от своего отца, чтобы он объявил себя ханом или уступил власть ему, Нуреддину. Идиге решительно отказался, ссылаясь на обычаи, и возвел на престол брата Шади-бека — хана Пулата. Нуреддин восстал против отца, решив поддерживать третьего сына Тимур-Кутлука — Темира. Идиге, не желая воевать против сына, удалился в Хорезм. Нуреддин разорил его страну и даже сжег его походную мечеть. Тем временем, воспользовавшись междоусобицей, власть захватил сын Тохтамыша Джелаледдин-Султан. Отец простил непокорного сына и даже выдал за него дочь Тохтамыша Дженике-ханыш.

Рассказ этот соответствует общему ходу исторических событий, но, может быть, испытал уже обратное влияние эпического предания (упоминание о дочери Тохтамыша и ее имя).

В «Очерках истории СССР» время правления Нуреддина Ногайской ордой обозначено годами 1426—1440, однако источники этой даты не указаны⁶¹. Тем не менее приведенная родословная ногайских князей позволяет с несомненностью утверждать, что именно Нуреддин был наследником Идиге в его ногайском улусе. Это свидетельство может быть дополнительно указанием Вельяминова-Зернова, что «владетельная династия Ногайских мурз имела, кроме главы, князя (бия, улубия), еще одного мурзу Нур-эд-дина», считавшегося наследником правящего князя. Существование титула «Нуреддин» засвидетельствовано в XVI в.: «Уже под 1555 г. летописцы наши упоминают о нур-ед-динах ногайских». О «нуреддинах» упоминает и «обряд, каковой наблюдаем при возведении от Государей Российских в Княжеское достоинство Мурз Ногайской орды» (1681). От ногайцев этот титул перенят был и в обиход крымского ханства⁶². Происхождение его можно объяснить только памятью об историческом Нуреддине, наследнике князя Идиге.

Кроме Тохтамыша, Идиге и их сыновей эпическое сказание называет только одного участника междоусобиц на Орде, выступающего с признаками персонажа исторического, — Джанбая (Ямбая) из рода Кенегес. Возможно, что и здесь эпос сохранил память об историческом лице, о котором умалчивают арабские и персидские летописи, интересующиеся более внешнеполитическими, чем внутренними делами Золотой

⁶¹ Очерки истории СССР. Период феодализма, т. II. XIV—XV вв., М., 1953, стр. 464—465.

⁶² В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование, ч. II, стр. 416 и сл.

Орды. Среди героев казахского эпоса, объединенных в цикле «Песни о сорока богатырях», мы находим и Жанбай-бия, его отца Кенеса и деда Ак-Жонас-батыра, каждому из которых посвящена отдельная былина.

В поэме Джанбай выступает сперва как покровитель мальчика Идиге, иногда даже как его друг, потом как эмиссар Тохтамыша, посланный за беглецом, и в конце концов приобретает типические черты коварного вельможи, изменника и перебежчика, служащего поочередно каждому победителю,—последовательнее всего в ногайской записи Н. Семенова. Джанбай первым находит пастуха Идиге и приводит его ко двору. В некоторых версиях он предупреждает его о грозящей со стороны Тохтамыша опасности, в других — сам выдает его Тохтамышу. Когда Тохтамыш посылает Джанбая для переговоров с Идиге, чтобы хитростью вернуть его в ханский дворец, он должен выслушать его поношения. Джанбай предает Тохтамыша Нуреддину, в версии Семенова — прямо указывает последнему местопребывание беглого хана, и тот перед смертью предостерегает своего торжествующего врага против изменника. Он восстанавливает сына против отца и в конце концов предает безоружного Нуреддина в руки мстителя Кадир-берди. В варианте Семенова, заканчиваемся примирением противников, Нуреддин ставит условием своего подчинения сыну Тохтамыша казнь предателя.

В свете приведенных исторических источников борьба Идиге против Тохтамыша, являющаяся историческим зерном, из которого развилось эпическое сказание, представляется одним из наиболее ярких эпизодов в феодальных междоусобицах периода разложения Золотой Орды. Многочисленные царевичи из рода Чингиз-хана, потомки его сына Джучи, принадлежавшие к различным линиям царского рода, в принципе, по существовавшим обычаям имели равные права на золотоордынский престол. Все они, как и представители старой тюрко-монгольской родовой знати, стремясь сохранить самостоятельность своих уделов («улусов»), находились в постоянной оппозиции к центральной власти и всеми силами добивались ее ослабления. Они готовы были поддерживать на престоле Золотой Орды слабого, номинального хана, своего ставленника, но тотчас же вступали в конфликт со всяким сильным и своевластным монархом, осуществляющим политику государственного объединения и централизации, не гнушались при этом и прямого союза с внешними врагами. Таких царевичей Чингизидов и представителей родовой знати золотоордынские ханы имели все основания держать под подозрением. Сам Тохтамыш возвысился именно таким способом при поддержке Тимура в борьбе со своим родичем Урус-

ханом и его наследниками. Тимур-Кутлук, как и его отец Тимур-Мелик, был таким же претендентом на золотоордынский престол, представителем конкурирующей линии правящей династии. Идиге был связан с царевичем Тимур-Кутлуком, отцу которого служил его отец, и с ним вместе он отъехал к Тимуру, который также был заинтересован в том, чтобы хан Золотой Орды был его ставленником и вассалом.

Принадлежал ли сам Идиге к родовой знати, остается неясным. Правда, аноним Искендера (и опирающийся на него Самарканди) называет отца его Балтычака «главным эмиром» хана Тимур-Мелика, а по «Родословной тюрков» Абулгази отец Идиге даже породнился с Тимур-Меликом, выдав за него свою дочь, сестру Идиге. Однако другие персидские и арабские источники ограничиваются указанием на происхождение Идиге (мангыт или кунграт). Рядом с его товарищами, перебежавшими к Тимуру «угланами» («царевичами») и «беками» (феодальными князьями), он неизменно именуется просто Идигу, Идигу-узбеком, Идигу-мангытом и т. п., а в официальном ярлыке Тохтамыша — «человеком по имени Эдигу» (*Адүгү атлы киши*)⁶³, — обстоятельство, которое, может быть, указывает на то, что он не принадлежал к родовой знати. Во всяком случае, захватив с помощью Тимура власть в Орде и сделавшись ее фактическим правителем, Идиге удалось, несмотря на постоянное противодействие феодальных князей и на борьбу с самими ханами, осуществить то, чего не сумел добиться до него Мамай, — восстановить политическое единство Золотой Орды и укрепить ее военное и международное положение разгромом Витовта, захватом Хорезма и походом на Москву. Поскольку, не будучи Чингизидом, он не имел наследственных прав на золотоордынский престол, его власть единоличного правителя страны, временщика при слабых ханах и военно-политического диктатора могла держаться исключительно на его личных качествах и авторитете полководца и правителя, на личном мужестве, воинской доблести и государственной мудрости — залоге его военных и политических успехов.

Исторический Идиге был несомненно крупнейшим государственным деятелем Золотой Орды в эпоху ее политического упадка, и при нем в последний раз она выступает в истории как крупный фактор международных отношений в Восточной Европе и кипчакских степях. Особенно ярким свидетельством этих личных качеств правителя является рассказ русских летописцев о роли Идиге как ханского советника в организации отпора Витовту накануне битвы на Ворскле. Политическая

⁶³ В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша, стр. 10.

роль Идиге (как и его менее удачного предшественника Мамая) напоминает в этом отношении в малых масштабах роль и значение Тимура в восточной части Монгольской империи; с той существенной разницей, что по сравнению с развитой экономикой и высокой культурой Средней Азии Золотая Орда, страна степных кочевников, с немногочисленным и разбросанным земледельческим и городским населением, имела гораздо меньше предпосылок политического объединения в крупном масштабе и личные качества предводителя не могли остановить исторически закономерный процесс распада золотоордынских владений.

Таким образом, есть все основания предполагать, что эпическое сказание и поэма об Идиге сложились в Ногайской орде, которая стала улусом правителя Золотой Орды и где продолжали править его потомки. Широкое географическое распространение сказания и песни — от Крыма и причерноморских степей до Сибири и Казахстана — соответствует историческим границам, в которых происходили передвижения ногайцев-кочевников, в особенности после распада ногайского улуса в XVI—XVII вв. Значительное число ногайских племен вошло, по-видимому, в состав казахов Малой орды, среди которых цикл сказаний об Идиге и его потомках сохранился наиболее полно. С другой стороны, и нынешние ногайцы, разбросанные в Восточном Причерноморье и к западу от Каспия, хранят память о своем первом правителе. Потанин отметил, что «кундровские татары (в Астраханской губ.) считают своим древнейшим правителем Эдиге»⁶⁴. По сообщению А. Маргулана, в Гурьевской области в Западном Казахстане также имеется обширный род, населяющий территорию нескольких районов, который называет себя «ногайцами» (Ногай), и среди них подрод, возводящий себя к Идиге (*Эдиге сойи*). В районе Каратау один подрод также называет себя потомками Идиге-батыра.

Арабские и персидские историки дают высокую оценку политических успехов, достигнутых Идиге. Аноним Искендера говорит об установленном им «порядке» в государстве, «тонких обычаях» (*тура*) и «великих законах» (*ясак*)⁶⁵, вызывавших недовольство феодальной верхушки. Ибн-Арабшах дает особенно сочувственную характеристику его личности и способностей как правителя: «Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой прони-

⁶⁴ ЖС. 1898, вып. III—IV, стр. 320 и сл. со ссылкой на «Вестник Русского географического общества», 1851, т. 2, стр. 4.

⁶⁵ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. II, стр. 133.

чательностью и сообразительностью, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шуточных намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариа, сделав коран и сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом Всевышним». «Дни его царствования были светлым пятном на челе веков, и ночи владычества его — яркою полосой на лике времен»⁶⁶.

Несомненно, еще при жизни Идиге вокруг его имени стала складываться легенда. Его личное мужество, военные успехи, авторитет как правителя, поддерживавшего единство и порядок в стране, снискали ему широкую популярность и сохранили его имя в памяти потомства. Ибн-Арабшах отражает уже в ряде мест формирование такого предания (рассказ о бегстве Идиге, о пятнадцати битвах между ним и Тохтамышем, о смерти Тохтамыша и самого Идиге). Налет устной легенды имеют и некоторые рассказы персидских историков (например, об отце Идиге). Сам Ибн-Арабшах упоминает в связи со смертью правителя о существовании подобных легендарных рассказов: «О нем (сообщают) удивительные рассказы и былины и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, всегда попадали в цель, помышления (его были) козни, битвы (его) западни»⁶⁷. На такие же устные рассказы об Идиге ссылается и продолжатель арабской хроники Эддзехеби, упомянутый выше Шемседдин Эссахави: «О нем сообщают длинные рассказы. Я встретился с человеком, который видел его, знал его дела и провел с ним несколько лет. Он рассказывал мне про него удивительные и необыкновенные вещи относительно его отваги, познаний, обходительности, умения начальствовать и величия его»⁶⁸.

Эпическая поэма об Идиге, отражающая эти предания, воспроизводит в сокращенной перспективе основные моменты борьбы между Идиге и Тохтамышем: бегство эмира, которого хан заподозрил в измене, к его врагу Тимуру, его участие вместе с войсками Тимура в походе против Тохтамыша, гибель Тохтамыша, возвращение и месть его сыновей. Однако политические мотивы борьбы, столкновение интересов партий, соперничество династий и интриги претендентов на престол не сохраняются в народной памяти. Они заменяются личными отношениями между Тохтамышем, несправедливым

⁶⁶ В. Тиценгаузен, Сборник материалов, т. I, стр. 473—474.

⁶⁷ Там же, стр. 473.

⁶⁸ Там же, стр. 553—554.

и жестоким ханом, и Идиге, его мудрым вельможей и храбрым военачальником, на стороне которого — народные симпатии (ср. в казахском варианте Валиханова: «Он споры кончил, неприятелей побил; Тохтамыш-хан начал жить спокойно, управлял только своим народом») ⁶⁹.

Личный конфликт между несправедливым ханом и его честным вассалом, типичный для эпоса феодальной эпохи (ср. историю отца Кёроглы), получает не менее типичную для народного предания мотивировку: завистью приближенных хана, или преследованием отвергнутой царицы (как в библейском сказании об Иосифе Прекрасном — Юсуфе мусульманской легенды), или страхом слабого и неспособного властителя перед популярным в народе вельможей и военачальником. Историческая роль Тимур-Кутлука как претендента на престол не сохранилась в народном предании, сам великий Тимур выступает лишь в роли помощника Идиге; все внимание в эпосе сосредоточено на герое, получившем черты эпического богатыря (батыра), и даже исторические события становятся лишь звеном его эпической биографии.

Полностью выпадают из кругозора эпоса битва на Ворскле и поход на Москву. Великодержавные претензии Идиге не сохранились в памяти народной, и историческое содержание эпоса целиком ограничивается внутренними феодальными распрями между Тохтамышем, Идиге и Тимуром.

5

В эпическом сказании образ богатыря постепенно обрастает фольклорными элементами. Легендарный характер имеют все рассказы о детстве героя, составляющие, по всей вероятности, позднейшую часть поэмы (прозаический рассказ). Идиге в этом предании является не только другом народа, но также человеком из народа. В ранние годы своей жизни он был пастухом и возвышением своим обязан своей мудрости, обратившей на него внимание хана.

В международном фольклоре широко распространен сюжет о мудрости простого, неученого человека (пастуха или крестьянина), посрамляющего царя, его вельмож и советников. Такой простой герой нередко выступает в сказках, выполняя трудные поручения или решая головоломные загадки. В английской народной балладе «Король и аббат» простой пастух, поменявшись одеждой с ученым аббатом, решает вместо своего хозяина те трудные загадки, которые предлагает ему король. Английская баллада отражает новеллистический

⁶⁹ Ч. Ч. В а л и х а н о в, Сочинения, стр. 239.

сюжет, имеющий широчайшее международное распространение. В «Дон-Кихоте» Сервантеса мудрые судебные решения простолюдина Санчо-Панса также удивляют своим здравым смыслом знатное общество, избравшее его предметом своих насмешек.

Рассказ о детстве Идиге является вариантом другого, сходного сюжета о мальчике-пастухе, которого его сверстники выбирают царем, о его мудрых «судах», посрамляющих царских вельмож. Сюжет этот, как показал акад. А. Н. Веселовский⁷⁰, известен на Востоке с глубокой древности: в индийской повести о мудром Викрамадитьи, монгольской — об Арджи-Борджи, древнееврейской (библейской и галмудической) — о суде царя Соломона. В более позднее время он засвидетельствован в пришедших с Востока древнерусских сказаниях, в которых царевич Соломон как мальчик-пастух собирает вокруг себя других мальчиков, выступая среди них в роли царя, творит суд и расправы и обращает на себя внимание своего отца мудрыми решениями спорных судебных дел.

Материалы, собранные Веселовским, как указал проф. Е. Э. Бертельс, следует дополнить иранским вариантом сказания о мальчике-судье, встречающимся в сасанидских (среднеперсидских) хрониках, где героем этого сказания является основатель династии Сасанидов — Арташир. Иранское сказание получило широкую известность при посредстве «Шахнаме» Фирдоуси.

Подобно своим предшественникам, Викрамадитьи, Арджи-Борджи, Соломону, Идиге в эпическом предании тоже не простой пастух, а сын эмира, воспитанный крестьянином или бедной старухой. В этом — своеобразное противоречие народного сказания, наблюдающееся и в позднейшей поэтической биографии Кёроглы: народ, с одной стороны, хочет видеть в своем герое простого человека из народной среды, возвысившегося благодаря собственному дарованию, с другой стороны, он приписывает ему высокое происхождение, иногда даже царскую родословную, оправдывающую и санкционирующую это возвышение наследственными правами. Мнимый пастух оказывается «царевичем в изгнании». На такого царевича, детство которого прошло среди простых людей (как Мурад-хан в узбекском дастане того же имени), который был воспитан простым пастухом (как узбекский Кёроглы), народ возлагает свои надежды, видя в нем будущего справедливого и мудрого правителя, защитника простых людей от жестокости и несправедливости власть имущих. Такое отноше-

⁷⁰ Собрание сочинений, т. 8, вып. I, Пг., 1921, стр. 27—31. 76—81.

ние народа к Идиге засвидетельствовано, между прочим, казахской народной поговоркой; про человека, заботящегося о нуждах народных, говорят: *Эл қамын жеген Эдиге* («Покровитель народа Идиге»).

Различные варианты сказания об Идиге по-разному объясняют это противоречие его эпической биографии — происхождение из знатного рода, дальнейшая судьба — как у простого мальчика-пастуха: либо тем, что отец его, знатный вельможа, был казнен жестоким ханом (как и тот добросердечный родич и друг его, который спас младенца от казни); либо тем, что при рождении он был брошен родителями (матерью) в степи и подобран пастухом; либо тем, что отец оставляет его на воспитание простым людям. Различия этих мотивировок и их поверхностный характер показывают, что между двумя частями сказания, из которых сложилась биография эпического героя, искони существовала несогласованность, которая древнее, чем все попытки согласования.

Соответственно этому герой нередко имеет два имени: в своей предыстории, мальчиком-пастухом, он прозывается Койчибаем (т. е. «пастухом»), Кубугулом (по имени казненного вместо него сына его воспитателя Эсе-бия) или Рахимберди («бог подарил»); лишь позднее, при дворе, он получает свое историческое имя Идиге (Идику, Идүгү). Это имя (вероятно, монгольское по своему происхождению) соответственно объясняется как прозвище найденыша, найденного или спрятанного в голенище сапога (*идуг* «сапог»). Все это указывает на чрезвычайную прочность традиции, согласно которой знаменитый эмир был в молодости простым пастухом и выдвинулся из народной среды благодаря своим личным дарованиям.

Рассказ об отце Идиге, сокольничем Кутлук-кия, казненным Тохтамышем за измену, отличается от другого предания, сохраненного источником историческим (анонимом Искендера), согласно которому эмир Балтычак, отец Идиге, гибнет жертвой своей преданности побежденному Тохтамышем Тимур-Мелику. В обоих случаях рассказ о казни отца мотивирует борьбу Идиге против Тохтамыша как родовую наследственную распрю. Как в сказаниях о Кёроглы, сын Кутлук-кия в дальнейшем становится врагом тирана, мстителем за отца, хотя в самой поэме об Идиге мотив этот не выдвигается особенно отчетливо.

С этим полуисторическим рассказом, типичным как сюжет для жизни восточного феодального двора, конкурирует в других версиях поэмы родословная сказочная, приписывающая герою чудесное происхождение. Сказание о деве-лебеди, которая становится возлюбленной человека, похитившего во

время купания ее лебединою одеждою, имеет широкое распространение в фольклоре многих народов Запада и Востока⁷¹. Так, в древнегерманских эпических сказаниях, засвидетельствованных в скандинавской «Эдде», волшебный кузнец Веланд подстерегает на берегу озера трех красавиц, сбросивших свои лебединые одежды, и младшая, как в поэме об Идиге, становится его женой.

Не менее широкое распространение имеет в фольклоре мотив брачных запретов, налагаемых такой красавицей на своего возлюбленного: послушавшись запрета, он открывает тайну ее звериного происхождения и облика, и красавица должна покинуть ослушника. В западноевропейских сказаниях о Мелюзине, широко распространенных в фольклоре и в средневековой поэзии, рыцарь, нарушивший подобный запрет, узнает, что красавица скрывала от него свое змеиное туловище или в определенных сроки превращалась в змею. Существуют сказания того же типа, в которых запрет на стороне мужа: жена, нарушив этот запрет, узнает тайну звериного облика своего мужа. Так происходит уже в античной сказке об Амуре и Психее.

Подобные сюжеты, как полагал акад. А. Н. Веселовский (вслед за этнографами А. Лэнгом и Кёлером), связаны по своему происхождению с «тотемизмом», т. е. с представлением первобытного человека о связи рода с звериным, божественным родоначальником, тотемом⁷². На основании этой связи животные определенной породы рассматриваются данным родом как родичи, убийство которых является тяжким преступлением. Между различными тотемистическими родами могут существовать различные брачные запреты: поэтому обнаружение принадлежности к враждебному тотемистическому роду делает брак запретным или недействительным.

Потанин записал в Северо-Западной Монголии сказание о тотемистических предках балаганских и аларских бурят, представляющее, вероятно, не случайное сходство со сказанием о предках Идиге.

«В Балаганском ведомстве,— сообщает Потанин,— есть род хангин; хангини почитают своим предком лебедя; они говорят, что три лебедя прилетали на озеро, снимали с себя шкурки, обращались в прекрасных девиц и купались в озере. Предок хангинов стащил одну шкурку, когда девицы вошли в воду; две девицы, обратившись в лебедей, улетели,

⁷¹ Ср.: M. Holmström, Studier öfver svanjungfrumotivet, Malmö, 1919; St. Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, vol. 2, Helsinki, 1933, D361.

⁷² См.: А. Н. Веселовский, Историческая поэтика, Л., 1940, стр. 69 и 514.

а одна осталась и должна была стать женой похитителя шкурки. Хангин считает великим грехом убить лебедя. О них рассказывают даже, будто они страшатся взять в руки лебединое перо. Много рассказов о том, как человек, убивший лебедя, потом пострадал. Эти рассказы есть и у других бурят...»

Вариант того же сказания у Потанина сообщает о происхождении бурятских родов харят и ширят, которые также, «считая лебедей своими предками, поклоняются им, приносят им жертвы и не убивают их». Здесь героем сказания, похитителем лебединой одежды, является бурятский шаман (бö). Пойманная им красавица через три года находит свою одежду и покидает своего возлюбленного, оставив ему дочь и сына, которые становятся родоначальниками двух названных бурятских родов⁷³.

Такое же древнее тотемистическое предание о происхождении рода мангытов, к которым принадлежал исторический Идиге, от предка лебедя, лежит, по всей вероятности, в основе сказочной родословной этого героя. Связь с монгольским сказанием, записанным Потаниным, тем более правдоподобна, что мангыты — монгольского происхождения⁷⁴. В позднейших вариантах сказания дева-лебедь заменяется красавицей-пери восточных сказок, так как пери имеют способность превращаться в голубя и снова принимать свой обычный человеческий облик, сбрасывая с себя голубиную одежду (*кеб*). В казахских версиях дева-лебедь монгольского сказания иногда отождествляется с живущей под водой «желтой девушкой», русалкой-албаста.

С другой стороны, влияние мусульманских представлений сказалось в позднейшей замене неведомого тотемистического предка рода (или монгольского шамана) как мужа лебединой девы мусульманским святым Баба-Туклас или Баба-Тукли. Существенно отметить, что в варианте этого сказания, входящем по принципу генеалогической циклизации в сводную былинку «40 богатырей», родоначальником Идиге и

⁷³ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883, стр. 24. В позднейших своих работах Потанин утверждал, что имя бурятского шамана, героя названного сказания, было Одюю-Хогор-бö (в переводе Потанина — «Идиге, кривой шаман») и что этот Одюю является мифологическим прототипом исторического Идиге, окривевшего (согласно эпической легенде) после столкновения с сыном Нуредином. Это сопоставление крайне сомнительно, поскольку Идиге, герой эпоса, является персонажем вполне историческим. См.: В. В. Бартольд, [рец. на:] Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне, — Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 369—370.

⁷⁴ Сказка о деве-птице имеет, впрочем, и тюркские параллели: у казанских татар («Шурале»), у чувашей (Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. V, Чебоксары, 1930, стр. 284, под словом *вугайш*).

мужем лебединой девы является не Баба-Туклас, а охотник Ангишбай, живущий в одиночестве, вдали от людей, среди гор и лесов. Этот вариант производит впечатление большей древности, чем общераспространенная мусульманская легенда. Понятно, что Баба-Туклас должен был первоначально мыслиться не как отец, а как родоначальник Идиге, его «предок в 9-м колене» (как говорится в ногайской версии Валиханова). Только позднее в некоторых вариантах он вытесняет в роли отца полуисторическую фигуру Кутлук-кия и становится героем сказания о деве-лебеди.

Так, в ногайской версии, записанной Ашимом Сикалиевым в 1958 г. в ауле Икон-Халк Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области, Баба-Туклас похищает лебединую одежду девы-лебеди и становится ее мужем. Родив ему сына Кутлы-Кая, она покидает его. В дальнейшем Кутлы-Кая сам вступает в брак с дочерью албаслы («лесной женщины»), которая запрещает ему смотреть ей под мышки и на ноги. Следует обычное нарушение брачного запрета, жена покидает Кутлы-Кая и подбрасывает ему новорожденного младенца — Эдиге, которого выкармливает собака. Таким образом, здесь имеет место своеобразное удвоение сказочного сюжета, приуроченного последовательно к двум поколениям предков Идиге. При этом мотив брачного запрета изымается из истории девы-лебеди и переносится во второй вариант (брак с дочерью албаслы).

Святой Баба-Туклас известен в казахском фольклоре как покровитель различных героев богатырского эпоса. Культ его приурочен к району древнего города Кумкента на северном склоне Каратау, где находится и легендарный источник этого святого. Его мазар упоминается также как место культа в окрестностях Астрахани. Мелиоранский объясняет «Баба-Туклас Шашли Азиз» („волосатый святой“) в смысле „шашский“ (т. е. ташкентский) святой». Это объяснение вызывает законные сомнения, но, может быть, связано с позднейшей этимологизацией. Как указал Мелиоранский, в некоторых рукописях «Идиге» Баба-Туклас отождествляется с прославленным среднеазиатским мистиком и чудотворцем Ахмедом Ясеви (Нурали называет себя «сыном», т. е. потомком Хаджи Ахмеда Баба Тукли Шашли Азиз Баркан) ⁷⁵.

⁷⁵ См.: П. М. Мелиоранский, Сказание об Едиге и Токтамыше, стр. 10. Согласно сообщению А. Каратбаева (1945), Египет (Миср) и река Нил, как место действия сказания в некоторых казахских вариантах, явились результатом народной этимологии: развалины Кумкента носят у местного населения название «Мыср» (в значении «благоустроенный город»); поблизости от них находится Красное озеро (Кзыл-Кул), в котором добывается красная глина (ніл) для окраски домов.

В других рукописных записях поэмы, прошедших через руки грамотеев, Идиге получил еще более полную и разработанную родословную, состоящую из ряда исторических, легендарных и просто фантастических имен султанов Ирана, Дамаска, Египта и других, в которой он возводится через Баба-Тукласа к одному из «повелителей правоверных», к святому халифу Абубекр-Садику, тестю пророка Мухаммеда⁷⁶. Такие «ученые» родословные были обычны в правящих домах и среди знатных в мусульманских странах. Возможно, что еще при жизни знаменитого эмира делались попытки с помощью подобной родословной обосновать его претензии на роль правителя Золотой Орды. Во всяком случае, обе родословные Идиге, ученая, мусульманская, и народная, фольклорная (тотемистическое сказание о деве-лебеди), окончательно закрепились в Ногайской орде, где правили потомки Идиге, которые были непосредственно заинтересованы в прославлении своих предков и в легитимации своих наследственных прав.

6

Из сказочного фольклора проник в эпическое сказание и эпизод, рассказывающий о встрече героя во время его «казачества» с богатырем-великаном (*алпом*), похитившим дочь Са-Темира. Наличие этого эпизода в большинстве версий свидетельствует о его принадлежности к архетипу. Великан, как многие тюркские богатыри, неуязвим: он может быть убит только во время семидневного богатырского сна из своего собственного лука стрелой, которая пронзит его под мышкой, в единственное уязвимое место на его теле. Тайну великана выдает герою похищенная им дочь Са-Темира, помогающая ему совершить этот подвиг. Помощь красавицы, похищенной чудовищем (Кощеем русских сказок), как и условная уязвимость и многодневный богатырский сон, представляют распространенные сказочные мотивы (ср., например, каталог Аарне, № 302, II).

Вставка этого сказочного эпизода в развитие повествования, в основном по своему тону реалистического, о феодальных междоусобицах в Золотой Орде требует объяснения. Можно думать, что он был введен в типическое сказание в качестве родословной его второго героя Нуреддина, который представлен здесь как внук по матери Са-Темира, т. е. Тимура, рожденный при чудесных обстоятельствах. Интересна с этой точки зрения заботливость эпоса о том, чтобы узакон-

⁷⁶ Ср.: Ч. Ч. В а л и х а н о в, Сочинения, стр. 228—229; Н. Семенов, Туземцы северо-восточного Кавказа, СПб., 1895, стр. 474 и сл.

нить происхождение Нуреддина и с отцовской стороны (может быть, в этом существовали сомнения?). Делается это с помощью народных представлений о симпатической магии. Ср. в переводе Валиханова: «И облакаясь в святое супружество, лег с девушкой спать; но девушка сказала: „Прежде этого со мною Альп уже наслаждался, я помню, что в тот день эта кобыла играла тоже с этим жеребцом (т. е. с конем великана.— В. Ж.), если она не беременна, то и я тоже“. Кобылу выдоили, посмотрели молоко, и оказалось, что она не беременная, а холостая; „я тоже не беременна“,— сказала девушка. „То значит, моя пересилит: после меня родится ребенок“,— сказал Идиге— и оставил»⁷⁷. Этот аргумент приводится и в ряде других вариантов: по-видимому, он был первоначальным.

В другой версии Нуреддин — сын рабыни Тохтамыша (или его сестры), прижитый Идиге в молодости во время службы при дворе. В таких случаях мальчик остается на родине и встреча его с отцом, возвращающимся для мести, носит характер опознания, притягивая к себе сюжет о поединке отца с неузнанным сыном⁷⁸.

Первоначальное имя похитителя было Алп-Кабардин. Оно просвечивает через ряд последующих фонетических изменений или более понятных переосмыслений, историко-географических (калмыцкий хан или русский богатырь) или сказочных (сын пери, отсюда — сводный брат Идиге, который был тоже сыном пери). Исконное имя указывает на связь этого эпизода (или поэмы в целом) с прикавказскими степями, где ногайские кочевые племена издавна соседнили с кавказскими горами. Так, на черкесской княжне был женат отдаленный потомок Идиге, ногайский мурза Казы (вторая половина XVI в.), сын богатыря Урака, воспетый в казахско-ногайском эпосе⁷⁹.

Образ Супра-Джырау (первоначально, вероятно всего, Сафара-Джырау), вешего певца, мудрого советника хана и прорицателя, достигшего баснословного возраста библейского патриарха, характерен для древнего синкретизма профессии певца-сказителя и колдуна-шамана. Типологически родственен ему у тюрков-огузов полуисторический дед Коркуд⁸⁰,

⁷⁷ Ч. Ч. В а л и х а н о в, Сочинения, стр. 256 и прим. 1.

⁷⁸ Ср.: S. T. Thompson, Motif-Index, vol. 5, Helsinki, 1935, № 731.2.

⁷⁹ Они «Казыевой жены племя», пишет князь Исмаил, дядя Казы, Ивану Грозному о черкесах. См.: «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. X, СПб., 1800, стр. 266.

⁸⁰ См.: «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Перевод В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962 (Литературные памятники).

а в фольклоре других народов — старый мудрый Вейнемейнен карело-финской «Калевалы»⁸¹. Многие казахские и каракалпакские сказители вели свою родословную через ряд исторических звеньев к легендарному праотцу кипчакских певцов Супра-Джырау, как древнегреческие гомериды возводили свой род к Гомеру. Так, в частности, старый казахский сказитель Мурзы-Жырау из Мангышлака, от которого в 1942—1943 гг. в Алма-Ате был записан обширный генеалогический цикл «Сорок ногайских богатырей», включающий песни о Едиге, его предках и потомках. Супра-Джырау выступает в той же роли мудрого певца и патриарха своего ногайского народа в казахской поэме «Ер-Таргын», примыкающей к тому же циклу⁸². Богатырь Ер-Таргын, сын Эстерека, лицо историческое, был также отдаленным потомком Идиге.

Преобразование героического эпоса в сказку, утратившую всякий реальный исторический колорит, отчетливо наблюдается в некоторых казахских вариантах «Идиге» записи Потанина и Диваева (последнюю уже Сатпаев сравнивает со сказками «1001 ночи»), каракалпакской Аимбетова и в некоторых других. Наиболее характерна в этом отношении узбекская версия Зарифова, где злой хан Тохтамыш по наущению своего хитрого советника Кенджабай-куса посылает Едигея, своего батыра, за данью-выходом к калмыцкому шаху в страну Барса-Кельмес («Пойдешь — не вернешься» — страна, откуда нет возврата). На пути в эту страну Идиге побеждает белого и черного дивов (Ок-дев и Кара-дев), потом войско калмыцкого шаха и его «артиллерию», получает дань и руку дочери шаха, красавицы Оксулу-Паризаде. Когда он возвращается на родину, Тохтамыш добровольно уступает ему свой престол.

Таким образом, развитие эпического предания шло в направлении все большего ослабления его исторических элементов, потерявших опору в общественной действительности и исчезнувших из народной памяти вместе с породившими их историческими событиями и отношениями времен Золотой Орды и Тимура.

⁸¹ В. Жирмунский, Народный героический эпос, М., 1962, стр. 271—274.

⁸² См.: В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. III. Киргизское наречие, разд. VIII, № 12.